

Вячеслав Белоусов

ТАЙНЫ ЗАХОЛУСТНОГО ГОРОДКА

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Вячеслав Белоусов

Тайны захолустного городка

«ВЕЧЕ»

2019

Белоусов В. П.

Тайны захолустного городка / В. П. Белоусов — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-8090-4

Перевалив свою половину, идёт к концу двадцатый век. Шестидесятые годы, семидесятые, девяностые... Каждое из этих десятилетий оставило свой след в истории. Но для Александра Жогина, Николая Миронова, Данилы Ковшова, их друзей и коллег эти годы памятливы по-своему: жестокими преступлениями и смертельно опасными схватками с теми, кто не считает нужным соблюдать Закон... Новая книга известного мастера отечественной остросюжетной прозы, лауреата премии «Во славу Отечества».

ISBN 978-5-4484-8090-4

© Белоусов В. П., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Хомяк, Глиста и Динамит	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	10
Глава IV	12
Глава V	14
Глава VI	16
Глава VII	18
Глава VIII	21
Глава IX	24
Глава X	25
Глава XI	28
Глава XII	31
Глава XIII	34
Глава XIV	36
Глава XV	37
Глава XVI	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вячеслав Павлович Белоусов

Тайны захолустного городка

© Белоусов В.П., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Хомяк, Глиста и Динамит

Следователям – моим коллегам и друзьям, посвящается

...если я сейчас спрошу Вас: «Бог справедлив?» – то я совершенно не знаю, какой ответ услышу.

Х. Борхес. Новая встреча

Глава I

Воровством Глиста и Хомяк промышляли с малолетства. Были у них, как у всей заводской мелюзги, простые, обычные фамилии и почти одинаковые биографии: оба потеряли отцов в первые годы войны, у Глисты мать скоро спилась и повесилась, оставив его на попечение полуслепой бабки; славившаяся до войны красотой в заводском посёлке мать Хомяка после похоронки тоже стала впадать в горькие гулянки, водить домой мужиков, облапошивать их и спекулировать на городской «толкучке». Обитавшие в одном бараке вечно голодные Глиста и Хомяк с утра страдали одной мыслью – набить чем попало брюхо до вечера и пропадали по чужим садам и огородам, пока однажды Хомяк, объевшись сырой свёклой, едва не отдал концы в местной больничке, куда доволоч его еле живой товарищ. Повзрослев и усвоив, что надеяться им не на кого и друг без друга не обойтись, они пристроились потрошить карманы одноклассников, незаметно обратившись в коварных зверьков и став грозой уличной шпаны. Худой и длинный Глиста мелкими острыми зубами, словно крыса, мог на спор перекусить электрический алюминиевый провод и как-то в отчаянной драке с превосходящими его в силе и по возрасту здоровяком почти отгрыз большой палец ноги, которым тот мутузил его, упавшего. После боевого триумфа авторитет Глисты достиг таких высот, что Хомяк, непререкаемый вожак их шайки, остерёгся, как прежде, пренебрежительно сплёвывать в его сторону и уважительно хлопал по плечу, советуясь о замышляемых авантюрах, за которые их обоих вскоре и вытурили из заводской школы, где дружки просиживали в одном классе не один год и давненько стали бельмом на глазах учителей, а в особенности у директора, прозванного изобретательной пацанвой за зычный рык Тарзаном, и его заместителя Льва Руслановича, естественно, носившим кличку Льва. Придумывать прозвища не было необходимости, они родились сами собой после неоднократных просмотров подростками трофейного кинофильма, где пленявший всех Вайсмюллер, сыгравший героя, диким воплем собирал стадо обезьян на охоту, носясь по джунглям и раскачиваясь на лианах, смело дрался с удавами и львами, раздирая им пасти голыми руками. На свою беду директор школы физическими данными ужасно походил на Тарзана; высок и могуч, приходя в ярость от поведения воспитанников, он порой ревел пуще человекообразной обезьяны, ну а завучу, не менее грозному, но значительно уступавшему начальству размерами, не оставалось ничего другого как прозябать Львом.

Оба руководителя школы считали дни, когда случай позволит им избавиться от обоих шалопаев, и он наконец подвернулся.

Хомяк сорвался на математичке Элеоноре. Красотка была разведена и потому, как всякая одинокая женщина, задёргана и экзальтирована, вся на нервах, она при этом не уступала по прелестям Грете Гарбо. Насмотревшись на похождения мамыши, Хомяк рано постиг трепет от противоположного пола; теперь он задыхался от чувств, когда Элеонора, покачивая крутыми бёдрами и обдавая ароматом экзотических духов, проплывала мимо его парты. Не контролируя себя, он непроизвольно фыркал, что больше походило на гнусное хрюканье, и однажды это сыграло с ним глупую шутку. Приняв отвратительное хрюканье на свой счёт, взбешённая Эле-

онора резко обернулась и вlepила разинувшему рот Хомяку звонкую пощёчину. Класс ахнул. Хомяк покраснел, как ошпаренный кипятком рак, но не сдвинулся с места.

– Вы хам, Хомяков! – выкрикнула Элеонора, убегающая к доске.

С лица Хомяка сползала краска, на побелевшей коже алел лишь след пощёчины...

Напрасно Глиста всю следующую неделю приставал к дружку с вариантами мести, тот оставался нем и мрачнее могилы. Но наконец взрыв грянул...

Выгнав всех из класса на перемене перед уроком математики, Хомяк приказал дружку крепко держать дверь, а сам вбил в стул учительницы парашютную иглу. Присядь Элеонора хоть на секунду, длиннющее жало глубоко пронзило бы её ягодицы. Возмездие было нечеловечески жестоко, мало того, оно бесспорно несло увечье бывшему кумиру. Даже Глисте стало не по себе, когда он попытался измерить торчащее из стула коварное остриё.

– Калекой станет! – со страхом и без сомнений выдохнул он, обернувшись к Хомяку, статуей застывшим у окна, скрестив руки на груди. – В тюрьму не угодим?

Хомяк не шелохнулся.

– Может, чуть укоротить?

– Пошёл вон! – рявкнул Хомяк, отрешённо встретив ударивший по ушам звонок, предупреждавший о конце перемены.

– Есть ещё время... – взмолился Глиста.

– Вали на место! – двинулся к двери Хомяк и выдернул палку, сдерживавшую дверь и рвущуюся в класс толпу. Сам пропустил всех и медленно пятясь спиной, отступил к последней парте, где трясся Глиста.

Четыре тревожных глаза следили за движениями математички, наполненные ненавистью и страхом, они ловили малейшие её шаги. Вот Элеонора прошествовала к столу, вот замерла у доски, касаясь стула, кажись, ещё мгновение – и сядет на него! Нет! Медленно зашагала по классу, взяв и открыв журнал. Прозвучало обычное:

– Дежурный! Все в классе?

Урок начался, и сорок пять минут Элеонора не опускалась на стул, ни разу не бросила взгляд на последнюю парту. Хомяк давно понял свой промах и, опустив голову, мрачно дожидаясь заслуженной кары.

– Кто-то заложил из своих! – зло шепнул он толкавшему его в бок Глисте. – Не трясись, тебя не выдам. Вот суки! Узнаю – загрызу! Сопи в дырочки. Ты – в стороне.

– Может, дёру дать?

– Себя выдать заранее?

Так и пронервничали до звонка, как на раскалённой сковородке, пока Элеонора с лицом, набравшим краску гнева и ненависти, не застыла у доски перед помертвевшим в жутком ожидании классом, пока ни распахнулась дверь от жёсткого толчка и внутрь ни прошествовала шеренга учителей во главе с Тарзаном и Львом. Замыкал процессию почему-то их заводской участковый по кличке Градус. Он тихо запер дверь на ключ, будто отрезая путь к отступлению, что привело некоторых в замешательство, даже невозмутимого директора, который, не долго думая, заорал вайсмюллерским фальцетом:

– Встать всем!

Для многих происходившее далее вспоминалось дурным сном. Рванувшийся из-за парты Хомяк в несколько прыжков выскочил к доске, набычил голову, укрыл её портфелем, тараня и разбрасывая всех, и врезался в дверь подобно артиллерийскому снаряду. Гулко ухнув, дверь слетела с петель, щепками брызнули филёнки, а Хомяк, кувыркаясь, вылетел в коридор. В руках пытавшегося его удержать участкового остался лишь клочок воротника рубашки беглеца. Сам Градус стонал у косяка, схватившись за плечо.

С тех пор Хомяк словно в воду канул. Участковый загонял заводских дружинников, сам облазил все подвалы и заброшенные сараи, но даже Глиста, которого исключили из школы следом за дружкой, не мог напасть на его след.

Глава II

Объявился пропащий месяца через три-четыре при обстоятельствах, от которых бедному участковому долго потом икалось.

Приближались ноябрьские праздники; измотанный заботами участковый Казимир Фёдорович Гордус, проходя мимо пивнушки у дороги, где местная шоферня, отдыхая от баранки после рабочего дня, баловалась пивком, не сдержался и остановился охладить нутро аппетитной кружечкой. За первой не заметил вторую, а там пролетели, словно пули, третья с четвёртой, тем более что, подмигивая друг другу, братва незаметно для Фёдоровича подливала в каждую граммов по 50 водочки из поллитровки. Поздно заподозрив неладное, участковый погрозил пальцем не в меру услужливым друзьям и нетвёрдой походкой уже запоздно отправился восвояси, на беду свою решив по пути заглянуть в летний парк и проверить общественный пункт охраны порядка. Боевитый был там командир заводской дружины Сашок Матков, но на первых порах нуждался в постоянном пригляде: превышая полномочия, не раз устраивал в пункте балаган, загоняя разбитных девок на посиделки.

Сокращая путь, вместо ворот участковый попробовал, как обычно, нырнуть в заборную лазейку, да повело спину незадачливому служивому, и, охнув от острой боли в пояснице, рухнул он в траву, несколько метров не добравшись до спасительной лавочки. А когда оставила боль, задремал слегка да вскоре и забылся крепким сном...

Здесь, в траве, он и протёр глаза, очнувшись от дикого холода. Когда очухался, первым, кого узрел перед собой участковый, был Хомяк, злорадно ухмылявшийся с пистолетом в руке. Гордус схватился за кобуру и застонал от бессилия и досады.

– Верни, негодяй! – заскрежетал он зубами, попробовал вскочить на ноги и не смог – жуткая боль пронзила спину.

Хомяк нагло расхохотался и выстрелил вверх.

– Ванька! Не шути с оружием! – прохрипел участковый пересохшим горлом. – В тюрьму угодишь, негодяй!

– Так ты ж, Казимир Фёдорович, облаву на меня устроил, – ёрничал тот, поигрывая пистолетом и паля в воздух раз за разом. – Поймай сначала или от страха ноги отказали?

– Стой, сукин сын! – Пересиливая боль, Гордус поднялся на ноги и, кусая губы, попытался схватить наглеца, но тот, хоть и был в двух шагах, ловко увернувшись, отбежал на безопасное расстояние.

– Догони, отдам! – Он снова выстрелил вверх.

Заставить себя бежать, пересилить боль и двигаться быстрее, участковый не смог. Цепляясь за ветки деревьев, он пробовал приблизиться к Хомяку, но тот тут же отбегал в сторону, злорадно посмеиваясь, и палил из пистолета, пока не кончились все патроны. Расстреляв обойму, Хомяк забросил оружие в кусты и, посвистывая, скрылся.

Попался он в ту же ночь. Его отловил Сашок Матков со своими лихими дружинниками, в пункт которых добрёл измученный и отчаявшийся участковый. Когда Хомяка грузили в «воронок», увозя к поезду для отправки в неведомую детскую колонию для несовершеннолетних преступников, он успел крикнуть размазывавшему по щекам слёзы Глисте:

– Не сопливись, братан! Свидимся скоро.

И почти не ошибся. Не прошло и месяца, как Фёдор Глистин отправился по тому же этапу, но в другом направлении. А вот скоро свидеться им уже не пришлось.

Глава III

Только спустя несколько долгих лет столкнулись они нос к носу на шумном Татар-базаре. Обоих было не узнать. Единственное, что сохранили: один – излишнюю полноту и неизменные полтора метра от подошв до кожаной маленькой кепчонки, в воровском их мире именуемой отымалкой, второй – вихляющую походку при удивительной худобе и зияющую щель от давненько выбитого переднего клыка на верхней губе.

– Прозябаешь? – после крепких объятий кивнул Хомяк на прореху во рту, которую дружок тщетно пытался скрыть, кривя физиономию. – И прикид хилый! Где твой былой форт, кореш?

На Глисте топорщился выдавший виды пиджачок с чужого плеча, а вылинявшие, в светлую когда-то полоску подштанники едва прикрывали нагло торчащие битыми бульдожьими носами башмаки, потерявшие былую конфигурацию. Всё это явно подчёркивало наплевательское отношение хозяина к собственной персоне и бедственное его положение. Блёклому виду пытались противостоять лишь прежние неунывающие глаза, пылавшие радостью встречи и проснувшейся надеждой на лучшее будущее.

– Градус, гад, прижимает, – сплюнув, пожаловался Глиста. – Дыхнуть не даёт. Грозится посадить за малейшую провинность, обложил своими сыскарями из местной комсомолии. Я в город перебрался, знакомством не оброс, снял хату у горбатой старухи, а она стервой оказалась, дня нет, чтобы не долбила за платёж.

– Градус ещё при делах?! – удивился Хомяк. – Как он в участковых усидел после того, что я ему замастырил?

– Жив, сволочь. Майора отхватил да старшим на всём участке стал, теперь сподручных в подчинении имеет, спит и видит вторую большую звёздочку, на пенсию и не собирается.

– Ну я ему устрою проводы! – заскрежетал Хомяк зубами. – Под фанфары загремит!

– Спит и видит меня за решёткой, – подливал масло в огонь дружок. – Вот я здесь и перебиваюсь с хлеба на воду, кормлюсь, чем придётся. Сумки раззав подрезаю, не брезгую любой мелочовкой.

– Не дело, – участливо покачал головой Хомяк, хрустнул в плечах благородной кожаной курточкой, скрипнул шикарными жёлтыми крагами на коротких ножках, обтянутых бархатными брючками цвета морской волны, и, щёлкнув крышкой отделанной серебром изящной коробочки, протянул приятелю длинные сигаретки с золотым ободком. – Завалим в кабак – на твой вкус, но так, чтоб не отравиться?.. Раздавим поллитровочку за встречу?

– Да тут их!.. – задохнулся от привалившего счастья Глиста.

– Без лишних глаз, естественно, – подмигнул Хомяк. – Сам понимаешь, ненадолго я сюда. Не хочу светиться.

– Да я!..

– Недавно на воздухе, а глянь, – потянул Хомяк с себя за рукав курточку, обнажая слепящую белизной рубашку, сощурил и без того узенькие глазки на шпарящее зноем солнце, – пропотел до чёртиков.

– Отвык от нашей жары.

– Ты похавать не прочь?

– Угощаешь? – Стараясь сохранять достоинство, Глиста неторопливо выхватил из рук щедрого дружка коробочку с невиданными сигаретками, жадно прочитал надпись на мундштуках. – Ух, ёж-невтерпёж! Ты глянь-ка! «Ночная столица»! Что за невидаль?

Хомяк, не замечая восторженное безумство дружка, небрежно перебросил пиджачок на руку, крепче надвинул кепчонку на глаза:

– Ну, куда поведёшь?

– Да здесь рядом. – Тот сунул выхваченную сигаретку себе за ухо, степенно закурил «Приму» из собственной помятой пачки, а на недоумённый взгляд приятеля невозмутимо ответил: – Мы как-то к заморским непривыкшие.

– Правильно! – ухмыльнулся Хомяк, обнимая свободной рукой дружка за узкую талию. – Не привыкай. Отвыкать тяжко будет. – И захохотал ему в ухо: – Узнаю тебя, братан, от гордыни не избавился.

– А хрен ли нам, шулерам, ночь работам, день гулям, – подыгрывая, Глиста попробовал схохмить, притопнул скособоченными бульдогами, выбросил коленце, но кислой получилась затея, не вызвала у его дружка ни одобрения, ни радости...

– Ты чего к нам прикатил, раз так забурел? – зыркнул Глиста на разомлевшего за столом приятеля, когда опрокинули по первой стопке и закусили горячими сосисками с тушёной капустой. – Слухи долетели – в Воронеже обитал?

– Что Воронеж... – брезгливо хмыкнул тот. – Бери круче!

– Москву-матушку бороздил? – съехидничал Глиста и осёкся, уставившись на растопыренную перед своим носом пятерню; пальцы Хомяка жгли его глаза татуированными на них чёрными крестами.

– Три ходки! – сжавшись от страха, пролепетал Глиста. – За что ж успел?

– Гад-судья на счастье и покой поднял окровавленную руку, – зло процедил сквозь губы Хомяк и, не сдерживаясь, хлопбыстнул по столику так, что слетела на пол посуда, звякнула, разбившись вдребезги недопитая поллитровка, шустрый официант бросился к ним.

– Плачу за всё! – прервал его стенания Хомяк, резко поднявшись и сунув крупную купюру, а дружку бросил через плечо. – Хорош заседать, кореш! Двигаем на воздух, душно здесь...

Глава IV

– Что за спешка, братан? – бросился вслед Глиста, запихивая в карманы нетронутые горячие беляши. – Не выпили, не пожрали...

– За этим я сюда прикатил? – не оборачиваясь, мрачно буркнул Хомяк.

– А зачем? Поделись, – нагнал наконец его приятель, не страшась, заступил дорогу. – Я в башке варианты тасую, как колоду карт, а сообразить не могу.

– И не удастся!

– Растолкуй балбесу по старой дружбе.

– Бывал в тех местах, где мне трубить пришлось?

– Бог миловал.

– Не знаешь, как там души рвут!

Глиста сжал губы, смолчал.

– Кольщик наколол мне купола, – заскрежетал зубами Хомяк, затянув тягуче, больше походившую на стон, песню. – Рядом чудотворный крест с иконами, чтоб играли там колокола с переливами да перезвонами...

И скомкал слова, словно споткнулся.

– Что с тобой, Хан? – ткнулся ему в спину Глиста, растерявшись. – Всё путём было, мирно, тихо... Вспомнил что? И я бы там парился, если бы ноги вовремя в лапы не взял. У каждого своя планида, братишка, не нами заказана. Нам хлебать, что достаётся.

Хомяк нечленораздельно захрипел в ответ.

– Про старуху твою не успел рассказать, – заторопился Глиста. – Всё не решался огорчать. Умерла она... Давно... Но похоронил я её по-человечески. И попка отыскиали люди добрые. Циклоп?.. Помнишь его? Гитару приволок. Какая-никакая, а музыка. Помянули, твою любимую спели. Как это?.. «И куда не взгляни, всюду светят они, васильки, васильки, васильки...» – Помолчав, Глиста всхлипнул. – Замёрз Циклоп под забором, как собака паршивая. Налакался водяры и замёрз. Так что ещё не известно, где легче было, в твоих краях или у нас...

– Хлебало-то закрой! – резко развернулся Хомяк и, схватив его за горло, трясанул. – Забыл я всё и всех! Понял? Забыл... Яма мне нужна!

– Яма?..

– Нефтебазу на Волге фрицы в войну бомбили, помнишь?.. Там ещё баркасы ремонтировали, баржи латали, а после, когда увели флот в Николо-Комаровку, пацанва в том затоне купалась?.. Мы с тобой голопузыми с девахами кувыркались на песке...

– Почему ж забыл? – вырвался Глиста. – Помню, тонул ты там. Плавал-то, как кирпич!

– Значит, не слили озеро в Волгу. Не засыпали яму?

– Кому она нужна? – зло сплюнул Глиста. – Зацвела местами, камышом да чаканом заросла у берегов, но пацанва купается до сих пор, вода там нагревается быстрее, чем в Волге. Бабы бельё стирать таскают.

– А сараи нефтебазинские сохранились по берегам? – перебил дружка Хомяк и нескрываемый интерес выдал его блеском глаз.

– Некоторые погорели. Балует шпана, жгут сараи от безделья... А тебе они зачем понадобились? Что ценного там хранилось, всё вывезли, а остатки растащили.

– Понадобились, – напрягся Хомяк, не скрывая волнения. – Шлёпал бы я за сто вёрстщи хлебать!

– Денег у тебя отродясь не водилось, чтобы клады закапывать...

– Веди к яме, узнаешь, – нетерпеливо подтолкнул дружка Хомяк.

– Небось в воду лезть придётся?

– А ты с каких пор пугливым стал? – захохотал Хомяк, настроение его менялось на глазах. – Градус утопить грозился?

– За тебя переживаю. Барахлишко на тебе приглядное. Не спёр бы кто, когда нырять станешь.

– Посторожишь! – хлопнул Глисту по плечу Хомяк. – Или откажешь старому другу?

– Я вот кумекаю, – подмигнул тот, – раз ты за сокровищами собрался, одному тебе тяжело будет доставать их со дна. А пловец ты хреновый. Может, мне сплавать?

– За долю свою переживаешь?

– Всякая работа требует...

– Не бойсь, не обижу, – громче захохотал Хомяк. – Знай веда.

– Туда не идти, – напомнил без особого энтузиазма Глиста, – туда ещё доехать надо.

Через мост к нам добираться. Забыл?

– Если что и запомнил, подскажешь, а я в накладе не оставлю.

– Градуса та территория... Если обоих встретит нас, очень обрадуется.

– И за этот риск накинута, – не унимался Хомяк.

– Сбудутся мечты Билли Бонса, – хмурился всё же дружок.

– Какого ещё Бонса? – оторопел Хомяк. – Мы без третьего обойдёмся. Чужаков мне не надо.

– Книжки надо в детстве читать, – съехидничал Глиста.

– Вот я и гляжу – ободраным котом щеголяешь. С малолетства в библиотеку бегал, а много тебе дали книжки?

– К бестолковке не те руки приставлены, – хмурясь, постучал по своей голове Глиста.

– Вот и заткнись! – теряя терпение, оборвал его Хомяк. – У меня заработаешь. Держись крепче и сопи в две дырочки.

– От денег не откажусь, – жадно слотнул слюну Глиста. – Башли мне сейчас как воздух нужны.

– Всем они в радость...

Дружки ударили по рукам и заспешили ловить попутку. Будь оба повнимательней и осторожней, они приметили бы давно не спускавшего с них глаз сутулого подростка, лениво покуривавшего и с притворным безразличием переминавшегося с ноги на ногу возле рыбной лавки, где била ключом шумная торговля. Загасив окурок и кивнув кому-то в толпе, незнакомец, торопясь, засеменил следом за приятелями.

Глава V

В детстве Хомяк действительно чуть не утоп в том проклятом искусственном заливишке, сработанном заводскими нефтебазинскими работягами у берега Волги. Сооружался он как раз перед войной или уже в первые боевые летá возникла такая надобность, только по рассказам местных старожилов понадобилось тогда укромное и удобное местечко на Волге, чтобы заправлять нефтью и мазутом баржи и самоходки, перегонявшие топливо в Сталинград. Когда немцы совсем подпёрли городок, прорвав оборону у Халхуты, подтянули фрицы и авиацию, без устали начав бомбить завод, слип и нефтебазу с загружавшимися там судами. Горели хранилища с топливом, горели баржи, молотили небо зенитчики, от пожаров вокруг ночами было светлее дня, но канули ужасные времена, погнали на запад немчуру, расчищая от хищников поруганную землю долгих ещё четыре года, а брошенным и забытым заливишкой, обравшимся со временем, как в той сказке, чистым и тёплым озерком, хотя и шугал мелюзгу хромой солдатик с нефтебазы, постепенно завладела пацанва. Летом отчаянные смельчаки, не опасаясь брехавших с берега овчарок, заплывали аж на середину и с хохотом затевали там озорные догонялки друг за другом, а зимой соревновались в бегах на коньках или лихо гоняли в хоккей. А уж когда про войну почти совсем забывать стали, потянулись на берега озера и старшие. Рыбы здесь отродясь не водилось – керосином вода пахла, а вот купаться в своё удовольствие после тяжёлого рабочего дня это ничуть не мешало, ну а женщины, известное дело, рядышком пристрастились бельё стирать, а попозднее время наступало, – не стыдились раздеться, мужам спины помыть да и самим с белого тела грязь и пот окатить. А где до взаимного прикосновения дошло, не грех в любовных играх завестись. Да и какой уж тут грех? Несколько лет проклятая война оторвала их души и тела друг от друга, возвернулись счастливики кто калекой, кто другой болячкой страдающие, да и от здоровых толк не тот, были бабы в подушки, так и не почувствовав жаркой заслуженной страсти: кто водкой не страдал, допоздна пропадал на заводе – восстанавливать его надо было, а по правде – заново строить, так как после тех ужасных бомбёжек остались притушенные головёшки от станков и чёрные развалины от былых стен.

А озерце-то теплом оживляло души, расцветали враз обнажённые тела и в страстных объятиях рождалась новая жизнь, крепче прежних потом рождались и их детки.

Только не обходилось и здесь без баловства и охальничества. Парочки забирались в места тихие, укромные от чужих глаз, но от наглой шантрапы не спрятаться. Гонять уставали подглядывавших, а намахавшись кулаками да надсадив глотки матюгами, плевались от досады и, не сдерживаясь, утоляли любовный пыл, наслаждаясь в спасительной воде, не дожидаясь пока съедаяемая комарами пацанва позорно ретируется с берега.

Хомяк и Глиста в таких затеях славились отпетыми наглецами. У каждого имелись свои тайные засады в заливе. Хомяк изошрился до того, что облюбовал себе скрытное местечко в одном из заброшенных нефтебазинских сараев, в котором во время войны хранилась всякая всячина от противогозов и санитарных носилок до странных оббитых железными поясами деревянных ящиков с угрожающими надписями «Опасно! Убьёт!». Прикормив овчарок, он присмотрел этот сарайчик и, не опасаясь дремавшего охранника, устроил в нём удобное лежбище, позволявшее вечерами подглядывать за купающимися женщинами сквозь сгнившие доски в удобные щели. Но скоро старика охранщика сменил молодой и смывлёный мужичок. На второй же день он турнул озорных купальщиц вместе с их постирушками, а вечером уже сам барахтался в воде с белокурой толстушкой. Та, длинноволосая, словно русалка, бесстыже ласкала избранника и как ни пытался тот прикрывать ей рот пылающими поцелуями, стонала от наслаждений в своё удовольствие, срываясь на крики и вопли.

Хомяк так увлёкся увиденным, что не заметил, как, сломав прогнившую доску, вывалился наполовину из укрытия и пришлось ему спасаться вплавь от очухавшегося охранщика. Парень скоро прервал погоню и, махнув рукой, возвратился к своей «русалке», но та оказалась глазастей и, заметив, что нахал начал тонуть, бросилась его спасать. Она и выволокла его на берег уже вдалеке от ограды нефтебазы, не обращая внимания на призывные крики любовника. Отхлестав по щекам, пока Хомяк не очухался, она чмокнула его в щёку со словами: «Дурачок несмышлёный», – и, ослепив голыми телесами, грациозно нырнула в озеро, исчезнув, будто дивное сказочное чудо...

Множество раз после этого случая, тайком забираясь в тот сарай, караулил Хомяк приглянувшуюся «русалку», но прежняя парочка не появлялась, поменялся и охранник. Этот спал и днём, и вечером, что позволяло стиральщицам возвратиться на прежние места, но Хомяка они больше не прельщали, хотя, балуясь, нередко устраивали довольно откровенные купания. Скучая, бродил по заброшенному сараю Хомяк, тогда и задался он целью тщательнее обшарить его, но, не обнаружив ничего интересного, скоро приобрёл всё к той же горке аккуратно сложенных деревянных ящичков. Сняв с пожарного щита небольшой ломик и топор, он попытался осторожно сорвать с одного железные оковки. Не без труда это удалось. Каково же было его удивление, когда под оторванной дощечкой открылся плотно уложенный ряд пластиковых тёмно-серых брусков.

– Взрывчатка! – ахнул Хомяк, уже достаточно поднаторевший в таких грозных штуковинах. – Чем же здесь можно поживиться ещё?..

И, соорудив из палки и клочка пакли небольшой факелок, Хомяк осторожно занялся тщательным исследованием каждого угла сарая...

Глава VI

– Как давно всё это было! – Хомяк, заложив руки за голову, сладко потянулся.

– Ты и вправду спрятал в этой яме что-нибудь? – без интереса метнул Глиста подвернувшийся кусок гальки в зеленистую поверхность озера. – Если что и оставил на дне, давно ржавчина сожрала.

Былой задор, блеснувший в его глазах при встрече с дружкой, улетучился, прежняя тоска прочно заняла его место, да и было отчего. Стены густого разросшегося камыша столбили берега; вместе с ярким палящим солнцем над озером вились стаи мошек и комаров. Зелёные лохмотья тины подымались со дна у грязного песка, изредка выталкивая на поверхность дурно пахнущие пузырьки газа, тарачились из-за булыжников лупоглазые жабы.

– Ты прав, пропадёт здесь всё скоро, – вздохнул и Хомяк. – Или зароят это болото заводские, чтобы заразы не разводить.

– Одна пацанва не унывает, знай себе купается. Неужели и ты собираешься лезть в эту грязь? – Глиста присел в поисках гальки, чтобы снова метнуть её в воду, и замер, вздрогнув, услышав чужие шаги за спиной.

– Он и не собирался, – раздался насмешливый незнакомый голос.

Хомяк и Глиста, оба, как по команде обернулись. В нескольких метрах от них поигрывал цыганскими глазами широкоплечий мужчина лет сорока в светлой шляпе. На плечи его был наброшен лёгкий летний пиджачок, майка из белой сетки обтягивала волосатую грудь, а синее трико на стройных длинных ногах завершало всю его спортивную наружность. Одно портило впечатление – пиджачок не скрывал отсутствия правой руки.

– Динамит! – неудачно подскочил с песка Глиста и свалился бы в воду от явного испуга, не подхвати его бросившийся вовремя спортсмен.

– Он самый, – поправляя удержавшийся чудом на плечах пиджачок, сверкнул золотой фиксой тот. – Ты что это перепугался, Федя? Я не Градус, чтоб от меня в воду сигать.

– Да мы вот... – смутившись, Глиста прятал глаза, пятясь к приятелю.

– Что ещё за Динамит? – напрягся Хомяк, сунувшись в карман.

– Только без этого, без ножичков, дружок, – не гася усмешки, поднял единственную руку над головой незнакомец и растопырил пальцы. – Кто Динамитом, а кто Пастухом – так кличут меня здешние из-за собственной дури. Покалечил клешню, вот её и оттяпали.

– Воевал?

– Я ж говорю, по глупости на костре снаряды палил. Спасся чудом, когда рванул один.

– Арапа заправляешь? На барина¹ пахал?

– Ты мне кидняк² не устраивай. Я тут человек известный, – поморщился Динамит. – Глиста, если пожелаешь, тебя просветит. А вот сам зачем пожаловал, ответь, только муру не гони.

– Темнишь, корешок. Следил ведь за нами аж из города? – Хомяк, казалось, пытался прожечь его взглядом насквозь.

– Хлопчик мой сидел у вас на хвосте, не скрываю, – ощерился Динамит. – А чего ж не сопроводить такого богатого голубя да аж из столицы! Вдруг заблудится или шпана какая сотворит неладное...

– Крышу держишь здесь?

– Это что же ты, Глиста? – обернулся Динамит к приятелю Хомяка. – С утра вместе крутитесь, в глухие наши края прикатили, а ты дорогому гостю про меня ничего и не поведал?

¹ Барин – начальник исправительно-трудовой колонии (вор. жаргон).

² Кидняк – действия, слова с целью проверки правдивости чего-либо (вор. жаргон).

Глиста промолчал, только ниже опустил голову.

– Нехорошо получается, – явно ёрничая, Динамит с упрёком покачал головой. – Ну да ладно. Из-за уважения к нашему московскому гостю я сам поделюсь своей биографией. Но не здесь, – жестом остановил он дёрнувшегося вперёд Хомяка. – Я вас обоих к себе приглашаю. Тут недалеко громыхалка меня поджидает. С одной клешнёй, сами понимаете, куда ж мне без машины? Мигом домчит до Нахаловки в мою резиденцию, там и поляну накрыли ребята. Заждалась, братва, одним словом. Потолкуем обо всём.

– Не за тем я сюда ехал, – не двинулся с места Хомяк, хмуро сплюнув и вынув под настороженным взглядом Динамита руку из кармана с зажатой в пятерне коробкой сигарет. – Сломал ты мне планы...

Он закурил, подозрительно поглядывая то на своего друга, то на нежданного зазывалу.

– Да ладно, – нарочито по-простецки отмахнулся тот. – Знаю я про твои планы, кореш. И скажу без базлана³, зря время убил, сюда колёсики прикатив. Нет в том сарае давно того, что ты когда-то схоронил. Нашлись люди добрые, позаботились, чтоб ничего не пропало.

– Уж не ты ли тот добрый человек? Небось с клешнёй своей расстался, когда чужое добро хапнул. Метит Бог шельму.

– Неважно. Нет нужды здесь эти вопросы обсуждать. Едете со мной или как?

– Едем, Вань, – нервно дёрнулся к Хомяку Глиста. – Худого не будет.

– А ты почём знаешь? – огрызнулся тот. – Быстро, глажу, спёкся! Или раньше было всё замётано, а?

– Ну что ж, я вас неволить не стану, – развернулся Динамит. – Нормы обязанного гостеприимства мною соблюдены. Ответы на интересующие вопросы даны. Приглашение на дружеское собеседование и к сотрудничеству отвергнуто. Так и передайте в столице всем заинтересованным лицам.

Он зашагал, помахивая поднятой пятернёй в знак прощания, и скрылся бы из вида через минуту-две, но не сдержался Хомяк, дёрнулся вслед:

– Стой!

И добавил осипшим голосом, кивнув другу:

– Потолковать с человеком – не голову в петлю сунуть. Шагай за мной, кореш, потом всё обсудим. Придёт ещё наше время...

³ Базлан – скандал, драка, шум (*вор. жаргон*).

Глава VII

С грехом пополам уже в сумерках добрались к городу. Старую разбитую полуторку лихо-радило и трясло, как тяжёлого больного перед неминуемой кончиной. Порой машину внезапно стопорило и, проклиная всё на свете, молоденький шоферюга бросался под колёса, а не найдя причины, рвал капот вверх и пропадал там по пояс, чертыхаясь. Динамит, трясшийся в кузове на жёсткой скамейке с Хомяком и Глистой, морщился, как от зубной боли; сдерживаясь, курил одну папироску за другой.

– Сдаёт клячонка, – злорадствовал Хомяк, – рассыпается на дороге. Башлями не богат – поновой обзавестись? Или жлоба гложет?

– Водилу гнать пора.

– Давай я погоню.

– Разбираешься?

– Кумекаю.

– Замараешь курточку, – аккуратно помял двумя пальцами кожанку Динамит, зло шурысь. – Нарядился, к нам в гастроль собираясь. – И громко окрикнул шофёра: – Колян, совсем сдох?

– Щас, Леонид Аркадьевич, один момент! – выскочил тот из-под капота как ошпаренный. – Только подтолкнуть бы.

Тройка прыгнула вниз, упёрлась плечами в кузов. С третьей или четвёртой попытки машина двинулась, набирая скорость; прочихав, оглушила дорогу трескотнёй ожившего мотора.

– К болоту катила без помех, – оправдывался Динамит, стреляя за борт окурком.

– Говна в кузове не было, – издевался Хомяк и хохотал.

Динамит хмуро отворачивался, пихал грустившего Глисту кулаком в бок:

– Как, земля? Додумался, во что влип?

Глиста жался от боли, помалкивал в предчувствии худшей взбучки.

Когда в очередной раз движок заревел недобрым воем, а из-под капота застывшей полуторки повалил горячий пар, Хомяк подскочил со скамьи и, вмиг очутившись рядом с перепуганным шофёром, откинул крышку капота вверх.

– Сидеть! – запоздало рявкнул Динамит.

– Воды неси! – подтолкнул Хомяк шофёра. – Радиатор потёк, недотёпа!

– Действительно, сечёшь? – Динамит настороженно уже дежурил рядом.

Хомяк, молча выхватил нож из кармана, с дерзкой улыбочкой поиграл им перед его носом и, срезав с придорожного деревца веточку, полез к радиатору. Кряхтя и кляня незадачливого водителя, пыжился он там достаточно долго, пока не застучал ножичком, после чего скомандовал запыхавшемуся с ведром юнцу:

– Колян, или как там тебя? Теперь заливай остороженько и моли Бога, чтобы в радиаторе одна дырка была. Больше вроде не попало. До города должны дотянуть...

Влетев в город, машина заметалась по тёмным безлюдным улочкам, как угорелая кошка. Блистая ухарством, провинившийся Колян гнал грузовик, ловко избегая ухабы и канавы, обходясь жалким светом единственной передней фары.

– Не вцепиться бы в стену забора на радостях, – несмело подал голос Глиста. – Сиганём напрямик на тот свет.

Динамит грохнул кулаком по кабине:

– Уймись, шпана!

Автомобиль сбавил скорость и скоро совсем затормозил у не приметного одноэтажного домика.

– Приехали, Леонид Аркадьевич! – Колян, явно ожидая похвал, выпрыгнул из кабины.

– Дурило! Угрохать нас решил?! – смазал кулаком по его физиономии Динамит. – Найди-ка мне Каплуна. И к утру чтобы громыхалку обнюхал от колёс до кузова. Радиатор смени, а над движком пусть Комар поколдует. – Он развернулся к Хомяку, приглашая в дом: – Не побрезгуй, сегодня ночевать вам придётся здесь.

– Ломать вытерку затеял?⁴ – нахмурился тот. – Ты же дружков обещался на совет пригласить, собеседование устроить, объяснить, наконец, что происходит?

– Дружки потерпят, – распахивая дверь в помещение и включая свет, посторонился Динамит, пропуская гостей в большую прибранную комнату, посредине которой бросался в глаза круглый стол, уставленный тарелками со всевозможными рыбными и мясными закусками, водкой и вином в графинчиках. – А разговор обещанный не отменялся. Перекусим, чем хозяйюшка нас угостить собралась, да и обговорим все наши вопросы. До утра времени хватит.

– А утром что? – не спеша обходя и рассматривая богатый стол, не успокаивался Хомяк.

– Видно будет, – приглашая к умывальнику, Динамит скинул пиджак на руки полногрудой молодухе, возникшей из-за занавески. – Вот Верунчик нас покормит, повеселит со своими подружками, а утром сами решите, достаточно нашего разговора будет или понадобится с Большим Иваном встретиться.

– Это ещё что за фрукт?

– Хозяин здешний.

– Сколько себя помню, – заикнулся Глиста, – Большими Исадами еврейчик правил...

– То – государственный служивый, а у нас там хозяин Большой Иван.

– Повременим пока с вашим хозяином. – Хомяк, бесцеремонно отодвинув стул, потянулся к водке и, налив стопку, опрокинул, утёрся рукавом, давая понять, что никто, кроме Динамита, его не интересуется.

Тот мигнул молодухе, и она исчезла так же незаметно, как и явилась. Хомяк, будто не замечая никого, тяжело опустился на стул и, опрокинув вторую рюмку, выдохнул:

– Что же ты замыслил, уважаемый Леонид Аркадьевич, раз творишь такой беспредел? Объясняй уж, а то засну я за столом, не услышав и не похрав ничего. Тяжкие хлопоты заварганил ты сегодня. Не много на свои плечи взвалил?

– Сдюжу, не впервой, – уселся напротив Динамит, демонстративно тесня тарелки и блюда, твёрдо ставя локоть единственной руки. – Оружью и динамиту, что ты припрятал когда-то, мною дан нужный ход. Догадываешься?

Хомяк молча кивнул, наливая третью стопку.

– Не спеши, – накрыл его руку своей Динамит.

Они долго и зло пожирали друг друга глазами, пока Хомяк не погасил огонь своих.

– Уважаю толковых, – наливая себе водки, Динамит жестом пригласил присесть Глисту, плеснув и тому в стопку.

– Прикатил ты сюда, голубчик, впустую, но это только маленькая частичка твоей большой беды, – многозначительно упёрся он жёстким взглядом в Хомяка. – Не знаю пока из столицы Белокаменной ты пожаловал, а может, из Воронежа, а может, из тьмутаракани, только уверен я – нет за твоей спиной крепкого хозяина. И не ерепенься! – тут же осадил он попытавшегося было вскочить на ноги Хомяка. – Да и кроме сраного ножичка, нет у тебя ничего, может, гроши ещё кое-какие остались от былых барышей, но и тех на прокорм тебе долго не хватит.

– Мели, Емеля... – буркнул Хомяк без былого энтузиазма.

– Так что, Хомяк, ты полностью в моих руках, и при надобности я раздавлю тебя как поганого зверька, именем которого тебя нарекли.

⁴ Ломать вытерку – устраивать проверку (вор. жаргон).

Хомяк опять потянулся было за стопкой, но Динамит резко перехватил его руку. Распахнулась дверь, и на порог ввалился зловещего вида огромный верзила.

– Уймись, Каплун! – остерёг его Динамит. – Без надобности ты. Вишь, старые друзья разговаривают.

Верзила, попятившись назад, замер у косяка.

– Вон, сказал! – рывкнул Динамит, как хозяин на непослушного пса, и дверь захлопнулась. – Погуляй под окнами! – крикнул он ему вслед. – Да готовь нам жратву на завтра в коридоре.

На Хомяка это произвело впечатление.

– Вот теперь выпьем за знакомство и сотрудничество, помощнички вы мои дорогие, – с явной подковыркой и нарочито ласково произнёс Динамит, подымая стопку. – Если нет других предложений, поделюсь моими планами.

Глиста плеснул водку в рот поспешно и, так же торопясь, схватил жирный кусок баранины, жадно впился в него зубами. Хомяк потёр лоб рукой, тяжело провёл по глазам, словно сдирая застилавшую пелену, медленно осушил стопку до дна, налил ещё до краёв и, уже крикнув, опрокинул.

– Будете работать на меня, кореша, – успокаивая и почти дружески подвёл черту Динамит. – Идти вам некуда. Менты вас пасут и на первом углу сцапают, поэтому пока будете жить здесь. Каплун за вами присмотрит, а Колька Прыщ разнюхает всё, что вокруг творится.

– И долго нам тебе служить? – мрачно поднял на него глаза Хомяк.

– Как дело сделаем, – ощерился тот. – А там посмотрим. Может, сработаемся, а нет – разбежимся. Я неволишь не стану. А цыган слов на ветер не бросает.

– Что за дело? Я мокрушничать не нанимаюсь.

– А я сам такого не терплю. – Чёрные глаза Динамита налились свинцом. – У нас не столица, враз след возьмут, а не сможешь замести, готовься к стенке.

Глиста и без того подрагивающий, словно осенний лист, совсем скукожился над столом:

– Как это? Без суда, что ли?..

– Есть у сыскарей такое право – стрелять нашего брата при попытке к бегству. – Разлив водку по стопкам, Динамит опрокинул первым. – Но башли срубим по-тихому, можно сказать, как в детском сне.

И он расхохотался так, что оба приятеля вздрогнув, переглянулись.

Глава VIII

Перед самым обедом в скрипнувшую дверь кабинета гособвинителей на первом этаже аппарата областной прокуратуры, стараясь не шуметь, протиснул одутловатый животик Аркадий Маркович Тимошкин, помощник по общему надзору со второго – генеральского этажа. Представитель высшей структуры грозного архитектурного сооружения, естественно, он был ближе к кухне как всех официальных известий, так и к всевозможным слухам, поэтому порой позволял себе спускаться и делиться ими с коллегами снизу. Гособвинители – народ занятой, по уши загруженный изучением материалов уголовных дел, назначенных к судебному рассмотрению, относились к непрошеным его визитам по-разному: сидящая матрона Стефания Карловна Цвингер – страстная курильщица, тут же отправлялась с папироской к открытой форточке и по необходимости поддерживала завязывающийся разговор резкими категоричными репликами; другие – помоложе, как Кира Сергеевна Ипполитова и несравненная красотка синеглазая Любовь Исаевна Филозова больше охали и ахали, заполняя дарованную свободу подкрашиванием и подмазыванием собственных личиков, для чего с завидной быстротой уставляли столы экзотичным содержанием косметичек, изредка подбрасывая невпопад колкие фразочки по обсуждаемым темам. Даже флегматичный библиоман Виталик Стрижевский использовал такие передышки не без пользы: тут же выдвигая ящик стола, он с жадностью влипал в страницы припрятанного там фолианта – последнего приобретения на книжном развале, вклиниваясь в обсуждения лишь по острой надобности.

Одним словом, гость сверху с неизменно сенсационными новостями устраивал всех, за исключением Матвея Ароновича Лейбы, которого не без оснований побаивался и сам Тимошкин, хотя ходил у него в приятели, вечерами поигрывал с ним в шахматы на третьем этаже у криминалиста Ивана Кузякина, а в выходные дни их могли встретить в уголках летнего парка «Аркадия», где оба толкались среди недоступных и загадочных простым смертным нумизматов. Всем было известно, что Лейба и Тимошкин воевали под Сталинградом, были тяжело ранены: один горел в самолёте и, выпрыгнув с парашютом, покалечил ноги, не обходясь потом при ходьбе без трости; второй горел в танке и тоже чудом остался жив. Лечились в астраханском госпитале, где познакомились и не расставались с тех пор, по воле судьбы став оба юристами и оказавшись в прокуратуре. Занимая должность начальника отдела гособвинителей, Матвей Аронович, человек вообще-то добрейший, мягкой души интеллигент, не терпел никаких посиделок в рабочее время в возглавляемом им подразделении. Он беспардонно пресекал их, не взирая на личности и взаимоотношения, не раз грозя Тимошкину о его вольностях довести до сведения непосредственного руководителя Юрия Гавралова. Тот прошёл школу в обкоме партии помощником самого первого секретаря Леонида Боронина, слыл бойцом ещё той, старой коммунистической закалки, поэтому нарушения дисциплины расценивал высшим пороком, незамедлительно делая соответствующие выводы, и, конечно, болтливые хождения Тимошкина могли кончиться плачевно, но, к его счастью, разносы Матвея Ароновича, как правило, где начинались, там и заканчивались, а «хождения в народ» продолжались.

В этот раз до перерыва на обед оставалось не так уж много времени, к тому же дверь в кабинет грозного Лейбы была плотно закрыта: тот готовил доклад на важное совещание и приказал не беспокоить его по пустякам.

– Важняк-то новенький наш далеко пойдёт. – Встав для пущей важности на цыпочки и подняв к потолку большой палец, Тимошкин продефилировал между столиками гособвинителей, закатив глаза.

– Если вы имеете в виду Жогина, – достав папироску, тряхнула сидящей шевелюрой Стефания Карловна и традиционно направилась к окну, распахнув настежь форточку, – то он значится в аппарате прокурором следственного отдела, а не следователем.

– Неважно кем значится, – не смутившись, царственно парировал Тимошкин, – главное, что Аргазцев поручил ему расследовать дело бывшего нашего коллеги Андреева, значит, де-факто⁵ он следователь.

– Как?! – одновременно всплеснули ручками Кира Сергеевна с Любовью Исаевной и кинулись за косметичками.

– Чем провинилась Зинина? – опережая подружку, принялась разжигать костёр одна.

– Не собралась ли наша прославленная следовательша на пенсию? – подлила масла в огонь вторая.

– Зоя Михайловна бодрее всех нас, хоть и войну прошла, – буркнул в защиту Стрижевский, раскрывая страницы очередного раритета, мгновенно выскочившего из ящика его стола.

– А что Терноскутова? – пристроившись у подоконника и сердито стреляя колечки дыма в форточку, пыталась удерживать позицию Цвингер. – С мнением начальника следственного отдела уже перестали считаться?

– Аглая Родионовна как раз и проявила инициативу, – ехидно хихикнул Тимошкин. – Чем уж ей Андреев так насолил, не ведаю, но не сомневаюсь, молодой да ранний Жогин настряпает бывшему районному прокурору по самое не хочу.

– Андреев угробил себя сам, – подал голос ценитель старинных книг, не подымая головы. – Пьяным сел за руль служебного автомобиля ночью, превысил скорость и сбил мужичка, переходящего улицу. Чего ещё надо для уголовной статьи?

– Семь лет! – вскрикнула чувствительная Кира Сергеевна. – А скончается пострадавший в больнице – все десять... Угодить в колонию в самом расцвете, ведь жил и служил закону!..

– Дура лекс, сэд лекс⁶, – беззаботно блеснул познаниями Тимошкин.

– Столько не дадут, – оторвалась от зеркала скептическая Любовь Исаевна. – Пострадавший поправляется, и поговаривают, заявление написал, что прощает водителя.

– Да что его прощение? – досадуя, Ипполитова неудачно смазала тушь на глазах и прихлопнула в сердцах по столу ладошкой. – Найдёт причуда на судью и загремит прокурор на всю катушку. А какой был мужчина!

– Что ты его хоронишь? – одёрнула приятельницу Филозова. – У него сильный адвокат, найдёт лазейку, заявит ходатайство, то да сё...

– Многое и от следака зависит. – Виталик Стрижевский, хотя и был самым молодым в этой компании, но успел проявить себя и с его мнением считались.

– Вот и я говорю, – тут же воспрял Тимошкин и будто случайно придвинулся к его столу. – Жогин уже успел отличиться, наломал дров перед тем, как к нам попасть.

– Интересно? О чём это вы? – серые глаза Стефании Карловны засвинцели, все хорошо знали о её дружбе с Терноскутовой; начальница следственного отдела порой не гнушалась советоваться с Цвингер, прежде чем решать особо казусную проблему и окончательно идти с особо сложным уголовным делом к прокурору области, впрочем, не скрывалось это и от Аргазцева; бывало, и он собирал такие большие советы, приглашая на обсуждение Лейбу с Цвингер и Терноскутову, но, утверждая обвинительное заключение, решение всегда принимал сам.

– А дело об изнасиловании школьницы забыли? – многозначительно оглядел всех Тимошкин. – Завалил его Жогин, угробил, подсудимого оправдали и освободили из-под стражи. Сама Максакова председательствовала. Авторитет в областном суде!

– Оправдали одного из пяти преступников, – покосившись на Тимошкина, нахмурился Стрижевский. – Кстати, оправданный был четвёртым по счёту и на следствии потерпевшая его твёрдо опознала. Я дело изучал лично по поручению Матвея Ароновича на предмет опроте-

⁵ Де-факто (*лат.*) – фактически, на деле.

⁶ Dura lex, sed lex (*лат.*) – закон суров, но это закон.

ствования оправдательного вердикта. Удивительно, но почему-то опытнейшая, как вы заявляете, Максакова, оставила эти обстоятельства без внимания.

– Гляжу я на вас, – хмыкнул Тимошкин, – мастера вы шашками махать после драки. Был бы по тому делу следак стоящим спецом, комар носа не подточил бы.

– Это как сказать... – не отводя глаз с улицы, мрачно покачала головой Цвингер и резко обернулась к Тимошкину. – А известно ли вам, любезный наш осведомитель, кто отец того оправданного?

Тимошкин затоптался, смутившись; вопрос застал его врасплох, а, похоже, ответ ему был известен и обнародовать его помощник прокурора явно не собирался.

– Как же так? – скривив губы, Цвингер зло вмяла окурки в дно пепельницы. – Генеральный прокурор страны официально объявил общий надзор, который вы представляете, нашей разведкой. Это значит: всё видеть, всё слышать, всё знать!

– Какое-то странное значение вы придаёте отцу, Стефания Карловна, – невнятно пролепетал Тимошкин, – отец за сына, знаете ли... – И смолк, чувствуя, что запутался.

– Как раз отец – за сына! – оборвала его взвинченным тоном Цвингер. – Его отец рулит крупнейшим рыболовецким колхозом, а главное – он член бюро областного комитета партии!

– К чему вы это, Стефания Карловна?... – мямлил Тимошкин, совсем теряясь. – Я вам про Ерёму, а вы...

– А я про Фому! – Давая понять, что разговор окончен, матрона с высоко поднятой головой прошествовала было к своему столу, но внезапно замерла на полпути.

Дверь кабинета начальника отдела распахнулась и, приводя всех в замешательство, на порог выбрался громоздкий Лейба. В горячке забыв трость, он слегка покачивался, но, опершись спиной на дверной косяк и обретя надёжную опору, медленно наливаясь краской, он смерил Тимошкина гневным взглядом и холодно произнёс:

– Не стану извиняться, но я невольно подслушал концовку полемики. Скрывать не стану, на многое она открыла мне глаза, но об этом позже. Сейчас же я хотел огорчить вас, Аркадий Маркович. Да-с, огорчить! На незаконный приговор суда мною подготовлен проект протеста.

При этих словах, хлопнув в ладоши, Виталик Стрижевский подскочил с места, едва не сбив с ног Тимошкина, Ипполитова с Филозовой застыли с открытыми ртами, а Лейба продолжал:

– Сложный, должен сказать, чрезвычайный прецедент имел место в судебном процессе по обсуждаемому только что уголовному делу. В моей практике такого не наблюдалось. Однако и Аргазцев согласился с моими доводами. Протест прокурором области подписан, и теперь законность оправдания проверять будет Верховный суд республики.

Проявляя незаурядную юркость, Стрижевский ловко проскользнул мимо начальника в кабинет и, возвратясь, с поклоном вручил ему трость.

– Похвально, юноша, похвально, – благожелательно повела глазами Стефания Карловна.

Остальные безмолвствовали, и лишь Тимошкин, покашливая, будто поперхнувшись, пятился к выходу.

Глава IX

– Жогин! Александр Григорьевич! – Запыхавшийся криминалист Кузякин с походным портфелем и фотоаппаратом на шее влетел в следственный отдел; визгливый, взволнованный его голосок гулко загулял по просторному пустому кабинету.

– Все ушли на фронт, – хихикнула молоденькая секретарша, тенью промелькнув за его спиной с кипой документов.

– Где Жогин? – обернулся Кузякин, но той уже и след простыл, лишь аромат духов витал в воздухе.

– Мне не до шуток! – чертыхнулся раздосадованный криминалист и грохнул тяжёлый портфель на пол. – Я плюну на всё да Аргазцеву доложу, пусть разбирается!

– Здесь я, – тёмноголовый крепыш с томами уголовных дел шагнул из-за большущего металлического шкафа, откуда сразу его было не усмотреть, аккуратно сгрузил ношу на стол. – Перетряхиваю накопившееся. Что за суматоха?

– Аглая не предупредила? – всколыхнул гневом криминалист и запыхал лицом. – Ты и не собирався! Прикажете мне одному расхлёбывать?!

– Да не квохти ты, как наседка, – невозмутимо усмехнулся Жогин. – Повелела Терноскутова тебя сопровождать, только удивляюсь я – один уже не управляешься, Иван Владимирович?

– Да там работы троим на сутки! – округлил глаза тот. – В управлении милиции оперативная группа сформирована! Подняты на ноги лучшие сыскари! Кстати, машина нас, наверное, уже у подъезда дожидается, а ты копаешься!

– Пусто, – глянул в окошко Жогин, звякнул ключом, возвратив дела в шкаф, и с сожалением вздохнул: – Никак не поставлю точку в деле нашего бывшего прокурора Андреева. Думаю, не всё так просто с тем наездом; смущают меня некоторые детали...

– Какие детали тебя смущают? Его собственная жена и та всё подтвердила. А ведь находилась рядом с ним и всё видела с заднего сиденья!

– Слишком упрощённо они оба толкуют о серьёзной аварии... Скрывают что-то. И показания жены как раз мне и не нравятся.

– Ты на убийство настраивайся, которое нас раскрывать послали, там куча трупов, а Андреев – пройденный этап. Сгубил себе будущее, пусть и расхлёбывает сам.

– Зря ты так, Иван Владимирович... – недобрым взглядом покосился Жогин на криминалиста. – И с приговором можно поспорить, если не выяснены все обстоятельства случившегося.

– Вот только не будем затевать нравственные прения! – отмахнулся, как от назойливой мухи, Кузякин. – Кстати, кажется, подъехали за нами. Дождались – запиликали!

Действительно, за окном послышались призывные сигналы автомобиля.

Глава X

Впервые столь жуткая картина преступления предстала прибывшей на место происшествия оперативной группе. Повидавшие на своём веку, казалось бы, всякое, матёрые спецы, хмуро пряча глаза, едва гасили матюги в перехваченных гневом глотках.

– Кровавый кошмар! – скрипнул зубами начальник Управления уголовного розыска подполковник Лудонин; оттеснив плечом поджидавшего их Щергунцова, командовавшего местной милицией, он снял фуражку и первым шагнул за порог полупустой комнаты ветхого деревянного дома, где у окошка светлела кровать. Ступая след в след, как по минному полю, за ними осторожно прошествовали Кузякин, Жогин и медицинский эксперт Югоров. Замыкал процессию старший опер райотдела Сизов.

– Темновато, – щёлкнув фотоаппаратом, пожаловался Кузякин, высматривая местечко пристроить портфель и разложить криминалистические принадлежности.

– Я приказал своим соколкам, когда сюда прибыли, дальше порога – ни ногой до вашего прибытия. Боялся, следы затопают. И свет велел погасить. Мух слетелось уйма. Сизов! – обернулся Щергунцов. – Включи свет, да подежурь на дверях, чтобы наши нос не совали без надобности! Душно... Задохнёмся здесь.

Начальника милиции бросало в пот, он отмахивался от мух и едва успевал подтирать платком липкие потоки с жирного бурого лица. Весь его вид свидетельствовал, что тяжкая беда свалилась на его седеющую голову.

– Мои по улицам бегают, собирают информацию среди соседей, занарядил всех, – тяжело выдохнул он, держась поближе к Лудонину.

Тот, не отрывая взгляда от постели, где разверзлось потерзанное глубокими ранами тело престарелой хозяйки, сухо кивнув, спросил:

– Что накопили?

– Ничего стоящего, – потупившись, повёл плечами Щергунцов, – мелочи, но дают основание зацепиться за главное...

– Со мной Таранец и Хлебников, ты их способности знаешь; больше людей комиссар не выделил. Они прошерстят подворье с твоими, а потом – в распоряжение прокуратуры на трое суток. Извини, Григорий Артемьевич, я задержусь здесь на час, не более. Надо поднять всех наших общественных помощников, прощупать уголовных авторитетов, что толкует ворьё по этому поводу. На лицо беспредел невиданных масштабов, забывать я начал подобные эксцессы, а среди преступного мира тоже сердобольные попадаются – не терпят они извергов, издевающихся над женщинами и детьми, может, кто сболтнёт.

– Старушку изрядно мучили, прежде чем умертвить, – подал голос медэксперт, застывший у тела на кровати. – И ведь долго жила, сердце, видать, крепкое у бедняги, несмотря на возраст.

– Перевернули, подлюги, весь дом с ног на голову! – не сдержался Щергунцов. – Специально погром устроили, рыскали в поисках чего-то или за жертвами гонялись... Обратите внимание: мало того, что перерезали всем горло, как баранам, подушки вспороли и пух по комнате развеяли.

– Особенно рылись в этой комнате, – буркнул от дверей Сизов. – И пострадавших в одно место сгоняли, к кровати хозяйки, где и прикончили. Тёмные игры разыгрывали.

– Ты опять за своё?! – зло оборвал его Щергунцов. – Сектанство приплёл! Сколько работаю, подобной гадости не водилось в районе. Моё мнение – окурились сволочи! Детей не щадили!

Тела умерщвлённых жертв, разбросанных по полу, действительно в странном порядке окружали кровать: молодая женщина с задранном подолом лежала, раскинув руки, будто её

удерживали, прежде чем умертвить, мальчонка лет семи, поджавший коленки к груди, и бело-волосое существо лет пяти с широко открытыми от ужаса глазёнками, прячущее обе ручки за спину.

– Да они у неё связаны! – воскликнул Югоров, осторожно повернув тело ребёнка на бок. – Пояском от её же платья.

– Выпыtywали у хозяйки что-то. – Жогин полез за портсигаром.

– Только не курить! – предостерегающе поднял руки медэксперт. – Нам здесь работать да работать...

– Пытали на глазах хозяйку, а потом убивали по очереди ребятишек и их мать, – хмурясь, повторил Жогин, послушно спрятав портсигар. – Нелюди!

– Деньги?.. – вопрошая, Лудонин оглядел всех. – Искать в такой нищете драгоценности или семейные сокровища?

– Откуда им взяться?! – хмыкнул Щергунцов. – Покойница перебивалась с хлеба на воду, крохотной пенсии едва хватало.

– Однако снохе помогала, – подал голос Сизов.

– Интересно? – повернулся к старшему оперу Лудонин. – Поделитесь информацией, здесь важна малейшая деталь.

– Сноху Софку Снегирёва привечала, хотя та второй жинкой у её сына-пьянчуги была и привела в дом двух своих ребятишек от первого брака. Софка вкалывала, как лошадь, и ухаживала за свекровью до последнего дня. Она и в больницу её водила, и по магазинам бегала. Вчерашняя их помывка в бане вместе с ребятишками последней оказалась. А накануне видели обеих в сберкассе; снимала Глафира Семёновна деньги с вклада. Небось поделилась и со снохой, хотя Ефимовна, соседка и закадычная подружка Снегирёвой, сетовала, что последнее время та плакалась на здоровье, что беспокоиться пора о душе, сынок-пьянчужка не похоронит по-людски. Возможно, для этих целей и повела её Софка деньги снимать со счёта.

– Какая же у неё пенсия, чтобы вклады иметь?

– Известное дело – крохи, – пожал плечами Сизов, – но Снегирёва с Ефимовной на рыбзаводе всю жизнь отработали, а там заработки были неплохие, ну и, конечно, домой тащили с завода, рыбкой красной да икоркой спекулировали. Было дело.

– Ты, Сизов, будто в кустах сидел, – поморщился уязвлённый познаниями опера Щергунцов.

– Вы, Григорий Артемьевич, нашим отделом тогда ещё не командовали. Были времена... чёрной икрой зарплату работягам платили.

– А что же сын?

– После развода спился он окончательно. С места на место летал, гнали отовсюду. А последнее время неизвестно где ошивался. Спутался, говорили, с какой-то бабой. Его обмыть да одеть, он в мать – красавчик, на гитаре сбацать мастак, а выпьет – тыква на грядке.

– Кстати, где он сам? – оживился Жогин.

– Участковый Гордус докладывал, что найти Снегирёва не удалось, – замялся Щергунцов. – Налакался, наверное, и валяется под забором. Отыщем, товарищ подполковник. Никуда не денется.

– Пора уж, – посуровел Лудонин. – Вся семья здесь покоится мёртвым сном, а его черти свищут. – Он повернулся к Щергунцову: – Ты, Григорий Артемьевич, запрягай своих орлов, чтобы к вечеру обеспечили полную ясность по семье Снегирёвых и всех её взрослых членах; с сыном тщательно поработать, а после допроса товарищем Жогиним, проверить его алиби. Сынок может вывести на преступников, если сам не причастен. Это одна из главных версий – убийцы пожаловали в дом Снегирёвой не за её деньгами, они пытали, а затем умертвили её ради другого, более ценного, и об этом сынок не мог не знать или не догадываться.

– Есть! – вытянулся Щергунцов.

– Вечером – у Аргазцева. – Лудонин, не прощаясь, развернулся на выход, кивнул Жогину и Кузякину, а Югорову добавил: – Ваши заключения важны, как воздух, Константин Владимирович.

– Мы ещё и сегодня можем встретиться, – улыбнулся медэксперт, подымаясь от тела Снегирёвой, где они с Кузякиным оживлённо обсуждали что-то. – Думается, прокурору области будут интересны результаты пусть предварительных, но очень нужных наших исследований. А уж после вскрытия, надеюсь, ответим на все вопросы.

– Вашими устами да мёд пить... – буркнул криминалист.

– Только не вешать носа, старичок! – ободряюще похлопал Кузякина по плечу Жогин и подмигнул Сизову: – Пообщаемся во дворе, сыщик. Мне кажется, нам есть о чём покалякать.

– Не забыли, Александр Григорьевич?

– Тебя забудешь, икать полгода придётся. Я, как в наш район приезжаю, расчленёнку вспоминаю и ведьму ту из цыганского табора. Везёт тебе, Тихон, на жуткие преступления. Когда изведёшь заразу?

Глава XI

Они вышли во двор и как по команде с жадностью закурили. Хлебников копался в старом покосившемся сарае, готовом каждую минуту развалиться, Таранец пошумливал в бане, примостившейся под развесистым древним дубом в углу двора.

– Хлопцы носом землю роют, – хмыкнув, пустил колечки дыма над собой Сизов. – А зря.

– Команда дадена, а Лудонина послушаться не могли, – поддакнул Жогин.

– Наши вокруг всё обработали. Нет там ничего.

– Если б знать, что искать...

– Бандиты знали.

– Уверен?

– Они не зря всё в хате перевернули. Подле хозяйской кровати копались.

– Ну ты, конечно, тоже туда не забыл нос сунуть?

– Сунул, только тщательно поработать не позволил ваш приезд. Щергунцов злой, как чёрт, погнался.

– А теперь кто мешает?

– Иван Кузякин с Югоровым тела осматривают, отпечатки пальцев снимают. Не подступишься.

– Какие дела?.. Подождём.

– Придётся.

– Слушай, Тихон Семёнович, чую я, не всё ты подполковнику рассказал про Снегирёву.

– Подкалываешь?

– На премию себе оставил?

– Дождёшься у нашего начальника. Как же!

– Непросто так заглянули изверги именно к этой старушке, а уж пытали её как!

– Ефимовна, соседка её, рассказывала, что подружка из зажиточного рода купцов-рыбодобытчиков. Хоть и раскулачили их в своё время, а припрятать дед покойной успел и ей оставил. Ефимовна мне и проговорила, что за тем сундучком с золотыми монетами да семейными драгоценностями бандюги и пожаловали.

– Чего ж ты молчал?

– А кто поверит?! Щергунцову шепнул, он меня послал подальше; ты, говорит, Сизов, мастер сказки выдумывать. В сектантстве обвинил при всех, слышал?

– Кто же их навёл на тот клад наследственный?

– И думать нечего, две фигуры у меня на подозрении. Сноха, которая к Снегирёвой всех ближе была, или сынок её – пьянчуга.

– Тогда среди живых его искать бесполезно, – покачал головой Жогин, – на тот свет запрос слать придётся.

– Думаете, и его порешили?

Ответить Жогин не успел, во двор вбежал старший участковый Гордус.

– Ты как на крыльях, Казимир Фёдорович! – подковырнул Сизов.

– Щергунцов ещё здесь? – поправив китель, повернулся к ним майор.

– Григорий Артемьевич отправился провожать Лудонина, да и укатил, наверное, в райотдел. Ему ещё комиссару докладывать, сам понимаешь. А ты с новостями?

– Товарищ Жогин, я разумею, вы здесь за старшего остались?

– Считаю, так. Я тебя, Казимир Фёдорович, с вестями о Снегирёве дожидался. Во двор вышел, не выдержал.

– Сволочь хорошая, этот Снегирёв!

– А по существу?

– Отыскал я его с помощью Верки Гусевой, продавщицы продуктового магазинчика на рынке. Известная особа. Баба молодая, видная да к тому же одинокая. В общем, мужики к ней липнут, а она не дура, этим пользуется, ходят слухи, что алкашам вместо водки самогонку и бормотуху не опасается втюривать. Ну, те, понятное дело, всему рады, если шлея под хвост попала, расхватывают за милую душу. Ловить за руку, правда, лично мне не приходилось...

– Казимир Фёдорович!..

– Понял. Извините, увлёкся. Отыскали мы его вусмерть пьяным в болоте под забором, недалеко ему удалось от Веркиного магазина ноги уволочь. Правда, Гусева утверждала, что накануне был Снегирь уже изрядно выпимши, но на ногах держался и требовал водки. Деньги при нём были бумажные и немалые, она отоварила его двумя поллитровками, больше не дала, хотя и просил.

– Когда, говорите, это было?

– Вчера поздним вечером припёрся в магазин. И по нему видно было – гулял не без повода.

– Вот с этого момента не спешите, Казимир Фёдорович, – напрягся Жогин. – Поподробнее, пожалуйста.

– Собственно... – пожал плечами участковый. – Вытащить его было нельзя оттуда без посторонней помощи. Перемазались все, как свиньи. Теперь телега необходима, чтобы погрузить его и доставить куда прикажете.

– Сам не передвигается?

– Даже не соображает толком, что с ним происходит. Я уж думаю – врёт Верка, она вместо водки втюрила ему бормотухи с дурью, а такая гадость быка с ног валит и память отбивает напрочь.

– А смысл? У него же деньги были?

– Выгода прямая.

– Ну да... – на минуту задумался Жогин.

– Не вызвать ли врачей? – подал голос участковый. – Те прикатят с носилками, заберут по-человечески, обмоют, укольчиками разными приведут в себя?..

– Обыскать смогли? Какое количество денег при нём оказалось?

– Денег я сосчитать не смог, товарищ следователь, из-за большой загрязнённости, а вот ножище в кармане Верка обнаружила.

– Чего?

– Ножище огромный, но какой-то особенный, таким не горло резать, а кабанов колоть – до самого сердца достанет. Длиннющий, чертяка, слышал я, их стилетами называют бандюги.

– Чего ж ты раньше молчал?!

– Про нож-то? Да вы пытаться меня начали насчёт того, где, когда, с кем нашли Снегиря, пьян не пьян. Сбил я, да и сам не верил, чтобы такой тихоня, как Снегирь, родную мать и своих ребятишек этим ножищем...

– Нож, деньги, всё, что изъяли – мне! – рванулся Жогин к участковому, который вытащил из потрёпанного портфельчика свёрток и передал его следователю.

– Всё упаковано как положено. Должен сказать, багрового цвета пятна на штанинах его брюк Верка заметила, так я, извиняюсь, и штаны с него снял. Снегирь глазом не повёл. Как есть невменяемый. – Гордус протянул второй свёрток Жогину.

– Он что же, раздет?

– В пиджаке и трусах, но Верка тряпьем его накрыла, из магазина принесла, а охраняет его мой общественный помощник Александр Матков. Кстати, очень проявил себя при всех необходимых... в общем, при осмотре и извлечении тела.

– Тихон Семёнович, – повернулся Жогин к Сизову, – тебе и карты в руки. Решай с товарищем Гордусом эту закавыку. Снегирёва отмыть, осмотреть тщательным образом, привести в

чувство и доставить в райотдел. Будет необходимость – вызывай врачей, мне он нужен вменяемым. Я к Кузякину и Югорову, завершим с ними все следственные действия в доме, отправим трупы в бюро на экспертизу, представлю товарищу Югорову и этот нож с одеждой Снегирёва. Чем чёрт не шутит, вдруг по крови что определить сможет. Ну а самого Снегирёва в райотделе я сам буду допрашивать. Пока его не трогать.

– Да он лыка не вяжет, – буркнул участковый.

– Напряги врачей, Тихон Семёнович, – пусть поработают. Не лишили же его языка!

Глава XII

Узкие улочки окраины городского центра тонули в сгущающихся сумерках. Незаметно подкрадывалась коварная тьма, забираясь в глухие переулки старинных дореволюционных строений, незащищённых светом фонарей. Южная ночь творила свои тёмные дела быстро, не даря малейших поблажек беспечному закату, гася и уничтожая его последние чахлые клочки, розовеющие на западе.

Стоя на балконе, прокурор области Александр Павлович Аргазцев задумчиво покуривал, наблюдая, как от подъезда прокуратуры, поспешая, разбегаются автомобили с отбывающими участниками только что закончившегося у него совещания. Чудненьким получился разговор! Поначалу речи лились рекой, к единой версии преступления сошлись все – убийство Снегирёвой с неустановленными лицами совершил сын покойной, у которого не единого алиби при куче прямых тяжких улик: обнаруженные в карманах пиджака и брюк деньги, диковинный бандитский нож со следами крови, бурые пятна на одежде. Единственное – он всё отрицает, не помнит из-за сильного опьянения, но пройдёт время, и подозреваемый заговорит. Аргазцев даже предложил Жогину захватить Снегирёва с собой, чтобы лично допросить перед совещанием и арестовать, но тот отговорил прокурора области. Поддержали следователя Золотницкий и Лудонин – чего стоят признания пьяного убийцы? Не в себе был Снегирёв, не отошёл от запоя, а невменяемому веры нет, серьёзного допроса не получится. И без советчиков обошёлся бы прокурор области, но жгло в груди, не терпелось самому услышать раскаяние изверга...

Совещание тем бы и закончилось, но все ждали Югорова с результатами вскрытия, а тот запаздывал. Зато не успел заявиться, огорошил всех сенсационным известием: медицинские исследования показали, что смерть всех пострадавших в доме Снегирёвых наступила от удушья, последовавшего при закрытии дыхательных путей – носа и рта – тяжёлым мягким предметом, вероятнее всего, подушкой. Резанные раны горла причинены уже посмертно металлическим холодным оружием, которым может быть и стилет – короткий колюще-режущий кинжал с ромбическим клинком длиной двадцать пять сантиметров, изъятый у находящегося в беспамятстве Снегирёва. Бурые пятна, обнаруженные на его одежде, являются кровью человека, группа и особенности которой будут установлены при дополнительном биологическом исследовании. Хозяйка дома, Снегирёва, скончалась от сердечной недостаточности – скорее всего, пытали и её, и других на её глазах, сердце старой женщины и не выдержало.

Надо было видеть, как вытянулись лица присутствовавших! Подполковник Щергунцов весь забагровел и, не сдержавшись, забарабанил кулаками по столу:

– Что это за вакханалия?! Кто делал вскрытие трупов? Это что же, все наши добытые доказательства – вверх тормашками! Собакам под хвост?

– Вскрытием руководил лично я, – твёрдо произнёс побледневший Югоров. – За заключения экспертиз, высказанных здесь, ручаюсь.

– Успокойтесь, – поднялся с места Аргазцев. – Не нахожу оснований для недоверия выводам товарища Югорова.

– Создается Снегирёв или нет, – подскочил Жогин со стула, – он причастен к событиям в доме Снегирёвых, а подставное это лицо, марионетка или один из активных организаторов – предстоит выяснить нам. Так что я считаю, предварительные выводы экспертов – это лишь толчок для проверки других версий, более вероятных.

– Работать надо, работать, – потирая лоб, поддержала его Терноскутова, – милиции следует наращивать использование оперативных возможностей. Товарищ Лудонин, – обернулась она к начальнику Управления уголовным розыском, – мы вас, как говорится, попросим...

– Все рычаги включены! – нервно кивнул тот.

– Три дня сутками не отделаться. Сами чувствуете...

Этим и завершилось совещание. Теперь, обдумав многое на балконе и возвратившись в кабинет, Аргазцев пригласил к себе Жогина, который вместе с Терноскутовой составляли по его поручению план дополнительных мероприятий по раскрытию преступления.

– Справитесь? – кивнув на стул напротив, прокурор внимательным взглядом изучал следователя. – Дело Андреева у тебя в какой стадии? Не завалишься со сроками?

– Есть много вопросов к Андрееву, да и к его жене. Зоя Михайловна Зинина допрашивала их, конечно, тщательно, но кое-что смущает меня в их показаниях. Не стыкуются в деталях. Собирался побывать на месте аварии да в райцентре с людьми пообщаться, но о намерениях пока необходимо забыть. Убийство отнимает всё время.

– Личное дело Андреева изучил?

– Обязательно, но, сами понимаете, это бумаги...

– Тогда выбирай: или я возвращаю дело на бывшего прокурора Зининой, и она его заканчивает, как только приступит к обязанностям, или...

– Позвольте мне самому завершить следствие, если уж поручили.

– Тогда продлевай по нему сроки, я поддержу твоё ходатайство. А пока полностью запрями в дело об убийстве.

– Есть у меня соображения...

– Это хорошо. Кузякин на первых порах будет тебе помогать. Но особенно на него не рассчитывай. Сегодня уже звонили из пригородного района, машина там перевернулась со студентами, прибывшими из Ленинграда убирать урожай. Я его туда отсылаю, не обойтись там без криминалиста, уже жаловался местный райпрокурор.

– Пускай поезжает, – согласился Жогин. – Справлюсь... Есть у меня тут один ключик, – усмехнулся он.

– Ключик?

– С утра собираюсь к Югорову, попытаю его по некоторым следам, обнаруженным в доме. Не удалось после совещания эти вопросы обсудить. К вечеру, думаю, придёт в себя Снегирёв Сергей Николаевич, поскребу его душу грешную, должно там ещё что-то человеческое сохраниться. Сыну изуверским способом лишить жизни родную мать?.. Не укладывается в моём сознании... Либо отрыгнулась жуткая трагедия прежних лет, раскrojившая их порознь и следвавшая врагами, отчего он и запил беспробудно, либо это коварная подстава неизвестного нам злодея, люто ненавидящего и мать, и сына. Одним словом, – подвёл черту Жогин, – Шекспир отдыхает.

– А ты слышал что-нибудь про законы РИТА?

– Законы РИТА?.. Нет, слышать не приходилось.

– Мне самому тоже серьёзного что-нибудь читать об этом не привелось, а вот когда учился на юридических курсах до войны, преподаватель один рассказывал о них. Понял я, прямо скажу, немного, но главное запало в сознании. Иначе называется это явлением «первого самца», когда свойства, заложенные в клетках мужчины, передают наследственность из поколения в поколение через первую женщину. Обнаружил эту удивительную способность приятель Чарлза Дарвина, какой-то английский лорд, не гнушавшийся заниматься биологией под влиянием своего друга.

– Так это ж генетика, признанная в своё время у нас лженаукой, – хмыкнул Жогин.

– Ты слушай меня. Генетика сама собой, хотя наши и это буржуазное учение не признали, но то совершенно другое явление. Лорд сделал вывод, что согласно открытому им закону только первый мужчина в жизни девственницы оставляет в её организме свой образ духа и крови: психологические и биологические качества, особенности организма, свои болезни. Всё это передаётся потом детям, сколько бы их ни родилось, зачатых после от других мужиков. Вот в чём секрет открытия! Представь себе, тот лорд спарил кобылу с жеребцом зебры, и та, уже после нескольких жеребцов другой породы рожала полосатых детёнышей! Вот где заваyka...

– Запутали вы меня. Какое отношение открытие англичанина имеет к убийству? – потёр голову Жогин. – Галиматья какая-то...

– Ты вдумайся на досуге. Я с тобой этим поделился не от большого желания удивить своими познаниями. Я и сам, признаться, когда услышал эту историю во время лекции профессора дореволюционной закваски, мимо ушей всё пустил, а теперь вспомнил оттого, что чувствую: не можешь ты найти причин изуверскому поступку сына, убившего и глумившегося над телом родной матери. Я и сам мучаюсь в поисках, да не лезет на ум ничего путного.

Жогин обхватил голову обеими руками, слушать слушал, но видно было не добиралась до глубины его разума суть.

– Я не настаиваю ни на чём, – продолжал рассуждать Аргазцев, – но, возможно, больная психика и дикий поступок сынка объясняется тем, что в девичестве был у Снегирёвой любовник – отпетый бандюга-психопат, каких свет ни видывал, вот и родила она от него такого же зверёныша. И раскрыл тот своё изуверское нутро, поиздевался над матерью. Конечно, не без повода, – лишила та его наследства, которое скрывала ото всех.

– Однако неувязочка у вас.

– В чём?

– Позволил бы зажиточный богатей-купчишка якшаться да ещё родить своей дочери от бандита?

– Твоя правда, – не споря погасил глаза Аргазцев. – Впрочем, заморочил я тебе голову... Признаюсь, сам впервые встретился с таким чудовищным убийством. С нелюдем имеем мы дело, чужда и не понятная логика его преступления. Не находится здравых объяснений тому, что он совершил.

– Ничего, – хмыкнул Жогин, – завтра я попытаюсь решить загадку, не зверюга ли угодил нам в ловушку.

Глава XIII

В тот же поздний час комиссар Даленко, нервничая, расхаживал по кабинету, дожидаясь подполковника Лудонина.

– Как совещание? – лишь тот распахнул дверь, пригласил его к столу комиссар и сам присел напротив. – Впечатлила наконец прокурора наша способность за считанные часы убийцу взять? Сменил гнев на милость?

– Полдела сделано, Александр Фёдорович, – тяжело опустился на стул начальник управления. – Связывает руки то, что Снегирёв в невменяемом состоянии, показаний от него не добиться, да и он пока в единственном числе, а преступление, безусловно, совершено группой лиц.

– Ну, это уже детали, – отмахнулся комиссар, – следователь пусть дорабатывает.

– Следователь из молодых.

– Знали, кого назначали...

– Завал у них.

– А у нас?! Убийца арестован. Что ещё надо?

– Причина столь изуверски совершённого преступления не выяснена, одни предположения.

– Ты, Михаил Александрович, прямо как мамка при детках несмышлёных: разжуй, да ещё в рот положи.

– Бесспорно, что бандитское нападение на Снегирёву тщательно организовано с целью ограбления. Искали не деньги, которые та накануне со снохой сняла с вклада в сберегательной кассе, хотя не побрезговали и ими. Бандиты рыскали в доме и подворье в поисках семейных накоплений, ценностей, а возможно, и припрятанных наследственных драгоценностей. Выяснилось, что Снегирёва – единственная из уцелевших после известных репрессий дочь кулака – богатейшего рыбодобытчика, расстрелянного ещё чоновцами.

– И ты, наивная душа, полагаешь, что, дожив до советских времён, старуха сохранила наследственные богатства, закопав клад с драгоценностями в огороде или под домом? – Комиссар не удержался от горькой усмешки. – Пережила голодомор в Поволжье, когда люди поедали друг друга, две войны, а сама чахла над золотом?..

– Всё это, конечно...

– Сказки про белого бычка, ты уж извини меня, подполковник, – оборвал Даленко.

– В одном вы правы, Александр Фёдорович, тщательный обыск в доме убитой и в хозяйском подворье не дал результата.

– Нечего было и надежды лелеять.

– Но без веских причин таких убийств не совершают.

– Значит, есть другие мотивы. Не скупитесь на версии.

– Согласен.

– Не допускаете такого, что оговорили бабку по большой злобе?

– Сизов, оперативник Щергунцова, добыл эту информацию от соседки Снегирёвой, её семидесятилетней приятельницы Корнеевой Марии Ефимовны.

– Старческий маразм её не коснулся?

– В здравом уме старушка. Вдова и одинока, но следит за собой и по хозяйству справляется. Дрова помогала колоть снохе Снегирёвой, когда накануне баню топили, вместе ребятишек купали.

– Значит, информации можно доверять?

– В известной степени – да.

– Вот... А может соседка и наговорила глупостей?

– Такого и в архивах не найти, – кисло пошутил Лудонин, – Не проверить. Очевидцев в живых не имеется.

– Не было между ними ссор? Бабы – существа коварные, а тут как раз случай представился. Я вечером домой возвращаюсь, к примеру, так не было такого, чтобы какая-нибудь не остановила, не настучала на соседку какую-нибудь гадость, а вроде, вчера ещё вместе семечки щёлкали. И женщины с виду культурные...

– Сознание определяет бытие, – хмыкнул Лудонин.

– Классику марксизма переделываешь?

– Я всё же отдал приказ своим соколикам поработать с общественными помощниками на самом, как говорится, дне, потрясти скупщиков краденого, спекулянтов – не появились ли новые ценности, монеты, другие женские побрякушки?

– Отчего же, пусть не перестают этим заниматься, – согласился Даленко, поморщась. – Но конкретных людей с этого дела через трое суток снимай. Тебе ли не знать, Михаил Александрович, на каком костре сидим, – каждые сутки новые преступления, уже сегодня заложил мне уши начальник Кировского райотдела, поднял крик, что у него сразу два убийства, людей просил.

– Он мне тоже звонил, – кивнул Лудонин. – Разобрался я. Оба убийства очевидные, совершены на бытовой почве и подозреваемые уже дали признательные показания.

– Вот видишь... – Комиссар забарабанил пальцами по столу. – Не дают скучать. Так что трое суток у тебя, Михаил Александрович, – он глянул на часы, подымаясь, – а теперь уж и двое осталось.

Глава XIV

Спроси кто Жогина, спал ли он ночью, следовательно не ответил бы с полной уверенностью. Здоровый организм после дневных нервотрёпок требовал отдыха, полной отключки хотя бы на несколько часов, но лишь упала голова на подушку, смежились веки и, тяжело выдохнув, перевернулся он на любимый правый бок, забыв приласкать жену лёгким поцелуем в жаркое плечо, заскакали мысли одна другой тошней да все на одну тему, саднящие, как зубная боль, и рыскающие в поисках ответов на десятки вопросов: кто?.. зачем?.. почему?.. И не годился для разгадки веками рекомендованный совет: ищи того, кому выгодно.

Давно отстучали полночь настольные часики, которые поставил на ранний час, чтобы не проспать; звоном отдавалось их равнодушное отстукивание секунд в воспалённом мозгу, мешая выстраивать цепь доказательств, сопоставлять улики, тискать версии. Не замыкались аналитические его построения в единую цепь, натёкалось сознание на прорехи и очевидные бреши. Зыбкой тенью маячила слабая надежда о причастности Снегирёва, с которого, казалось бы, и начинать надо розыск, но не удалось Жогину за весь беспокойный день с ним повидаться. Оставался тот невменяем или притворялся, уже очухавшись, – врачи рекомендовали переждать. Да и слишком явной подставной фигурой выглядел Снегирёв в деле убийства матери, чрезмерно перестарался кто-то, измазав его дёгтем вопиющих улик...

– Ты бы принял таблетки или валерьянки накапал, – пожалела жена, – давай сбегая на кухню, принесу.

– Посижу на балконе у твоего цветника, подышу свежим воздухом, – поднялся Жогин. – Причудилось мне или действительно петухи заголосили?

– Светает, – согласилась она, сладко зевнув. – Откуда петухам в городе взяться.

– Действительно, рассветает. – Пристраиваясь на табуретку у её цветочных горшков на балконе, он закурил, вдыхая с удовольствием и освежающую утреннюю прохладу, и бодрящий измученный мозг терпкий дым.

– Я гляжу, ты опять зацадил! Говори не говори, не бережёшь себя, Саша.

– Я одну, – Жогин закашлялся и горько усмехнулся. – Мать-покойница нас, пацанов, рано будила, а я, младшенький, всё в одеяле прятался, так она мне на ухо шептала: «Петухи пропели, сгинула нечистая сила, пора, сынок, за дело приниматься...»

– Саша! – распахивая балконную дверь, протянула ему телефон жена. – Тебя! Не приведи, Господи, приключилось ещё что-нибудь...

– Кто? – крикнул он в трубку.

– Щергунцов.

– Доброе утро, Григорий Артемьевич.

– Да какое к чертям доброе! Снегирёв в камере повесился! Выезжай!

Глава XV

– Там всё не так очевидно, – хмурясь, открыл дверь в кабинет Щергунцова Жогин и, закулив, присел к окну. – Кто и почему принял решение оставить в камере его одного?

– Закончил осмотр? – вместо ответа буркнул подполковник и раздражённо отбросил телефонную трубку.

– Завершил. Эксперт ещё копается. Из молодых.

– А Сизов?

– Сейчас подойдут оба и подпишем протокол.

– Что-то тебя смущает?

– А вы считаете естественным, когда оставленный без присмотра подозреваемый взбирается на нары и бросается на каменный пол, чтобы вдребезги разнести череп?! Кстати, вы не ответили на мой вопрос, Григорий Артемьевич.

– Гляжу я на тебя и думаю, – нервно забарабанил костяшками пальцев по столу подполковник, – а может, нам начать с того, что я сразу был категорически против содержания Снегирёва в КПЗ нашего райотдела? Это я требовал везти его в Управу, где идеальные условия для оперативной работы, а вы, товарищ Жогин, уговорили Лудонина оставить опасного преступника у нас. Вам хорошо известна наша поганая обстановка собашника⁷. Как и само здание райотдела, он нуждается в капитальном ремонте! Вы же работали в нашем районе, не раз жаловались на слышимость в камерах. На партсобрании вы как-то заявили, что это студенческое общежитие – не успеешь рта раскрыть, аukaется по всему коридору! Или забыли?

– Меня интересует, почему Снегирёв оставлен один? Я просил посадить к нему вашего человека.

– Был такой. Между прочим, один из лучших наших агентов.

– И что же?

– К вечеру мне позвонил дежурный, беспокоился, что райотдел осадила толпа. Много пьяных, оголтелая шпана, недовольная милицией, возглавила бунт, выкрикивает угрожающие требования выдать убийцу Снегирёвой для самосуда. В окна летят камни, пытаются срывать решётки. Сегодня должны состояться похороны семьи, так накануне они учинили эти беспорядки, подогревшись спиртным.

– Надо было вызвать усиленный наряд.

– Даленко отmaterил и приказал разобраться самим, не подымая большого шума.

– Удалось?

– Мобилизовал всех, – нахмурился подполковник. – Отчаянных крикунов, заводил и баламутов удалось выдернуть из толпы, остальных уговорили по-доброму, разошлись...

– Выходит, локализовали неприятности?

– Отбились, но те, кого задержали и разместили в камеры, продолжали буйствовать. Чужая близость Снегирёва, грозились добраться до него и поступить с ним так же, как он с родной матерью, женой и ребятишками.

– Ему же об этом было ничего не известно? Я только готовился к сегодняшнему допросу.

– Поэтому и наклепал в штаны. Потребовал Сизова, обещал дежурному, что расскажет что-то важное.

– Ну и что Сизов?

– За Сизовым послали, но ты знаешь, где он живёт. А тут ещё сдрейфил и наш агент, испугался попасть под горячие руки шпаны, пытавшейся разломать перегородки в камерах.

⁷ Собашник – камера предварительного содержания, КПЗ (*вор. жаргон*).

Одним словом, допёк он дежурного убрать его поближе к себе. Тот – молодой, в переделках не бывал, потерялся, пригреб его у себя...

– А что Сизов?

– А что Сизов?! Вот он, явился не запыхавшись, – Щергунцов кивком пригласил вошедших оперативника и медицинского эксперта, привалился затёкшей спиной к спинке кресла, выдохнул. – Сам доскажет всю поганую эту историю.

– Товарищ подполковник, – поспешил вмешаться эксперт. – Может, сначала поможете мне с отправкой трупа в морг для дальнейших исследований. Я же знаю, вечером звонить станете о результатах, а с трупом работы невпроворот... пока доедем...

– Что сейчас можете сказать? – оборвал его Жогин.

– Тяжёлая черепно-мозговая травма, повлекшая смерть, – отчеканил тот, как по написанному. – Не исключается её причинение в результате падения с высоты нар на каменный пол камеры. Суицид. Других повреждений на частях тела, синяков, свидетельствующих о насилии над пострадавшим, не обнаружено. Ну и, конечно, остаточные явления сильного алкогольного опьянения. Не исключено применение наркотического вещества.

– А это ещё откуда? – уставился на медика Щергунцов.

– Разит, будто свежаком, – не сдержался тот, но тут же поправился. – Впрочем, все дальнейшие выводы после исследования химических анализов.

– Ладно, – кивнул подполковник Сизову, – отправляй труп, только сначала очисти подъезд у райотдела. Чтобы никого из посторонних! Понял?

– Есть! – вытянулся тот в струнку, а Жогин обратил внимание, как дрогнули и побелели его скулы.

Когда они остались одни, Щергунцов долго возился в ящике стола, явно отыскивая чего-то, затем похлопал себя по карманам, наконец, поднял глаза на следователя:

– У тебя закурить есть?

Схватив протянутую папироску, он жадно закурил и тут же тяжело закашлялся.

– Досталась ночка?

– Не спрашивай! – Щергунцов разогнал дым с такой злостью, словно перед лицом маячил виновник всех бед, свалившихся на его голову. – Ты не подумай, будто я Сизова во всём виню. Но человек, который, струхнув, бросил Снегирёва, – его агент. Семёнычу гореть синим пламенем у комиссара. А вдуматься – за что?! За то, что дерьмом оказался его человечек? Не агент он, а слизняк, а Сизов со мной отпахал ого-го!.. Я сосчитать сейчас не смогу. И дело своё знает! Лучше сыщика в отделе не сыскать.

– Не его вина, что... – начал было Жогин.

– Брось! Комиссару без виновных нельзя.

– Сначала бандитов надо найти, а уж потом головы холопам рубить, да и Лудонин, думается мне, не даст Тихона Семёновича в обиду. А его слово комиссар ценит.

– Что убийце?.. – горько качнул головой Щергунцов. – Его вон бросили в грузовик и повезли в резалку. Сотворил чёрное дело – и сам в своих грехах расписался.

– Сомневаюсь, что убийца найден...

– Твоя доля следователя во всём сомневаться, а я – опер до мозга костей и точку свою в этом деле поставил...

Ленив был их разговор, посмотреть со стороны, – давно устали друг от друга и переругивались без былой злости и ярости, выдохлись за последние двое суток так, словно проехала по их измотанным душам не одна пятитонка.

– Разрешите, товарищ начальник? – нерешительно приоткрыл дверь Сизов, будто чуя, что речь идёт о его судьбе.

– Входи, майор, – окутался облачком дыма Щергунцов и снова закашлялся. – Пачки на сутки хватало, а теперь и зачех не найду.

– Записка при тебе? – протянул руку к оперу Жогин.

– Я ещё при осмотре показывал.

– Такие послания, чтобы понять, не раз перечитывать следует. Карандаш и бумагу тоже дежурный ему пожертвовал?

– Вы прямо Вольф Мессинг, Александр Григорьевич.

– Ты, конечно, уже раз пять её пробежал.

– Поболее.

– И что?

Сизов скромно пожал плечами.

– А вы знакомы с посмертным письмом Снегирёва? – обернулся Жогин к подполковнику, тербя вчетверо сложенный листок.

– Галиматья! – отрешённо глядя в окно, хлопнул тот ладонью по столу. – Валит, гадюка, как у воруго принято, с больной головы на здоровую. Только не понять, на кого грех великий взвалить желает. Знает, сволочь, – мать родную, жену, ребятишек жизни лишил, а потому буровит загадками. Свою жинку, которую сам и забил, к чему присобачил?! Ножки какие-то?.. У него мозги поехали. Правильно медик заключение дал – окуранный был Снегирёв и вдобавок пьян, как свинья. Галиматья, а не покаяние! Смелости не хватило поганцу в последнем слове.

В кабинете воцарилась тягостная тишина. Первым не выдержал Щергунцов, он, придав окурочку в пепельницу, встал, раздражённо заходил от стола к окну, форточку распахнул и, нелепо размахивая руками, попытался выгонять облаком повисший дым. Сизов, отлепился с места, бросился ему помогать. Жогин, усмехнулся хмуро на все их тщетные попытки, приоткрыл дверь кабинета. Сразу потянула свежесть.

– Присели бы оба, – развернул записку Жогин. И на недоумённый взгляд подполковника заметил: – Я её перечитывать не собираюсь. Наизусть каждый из нас изучил, но думается, понять автора не попытался. Не уверен на сто процентов!.. – Он поднял руку на протестующие взгляды собеседников. – Не уверен, что сам полностью усвоил содержание. Но всё, как говорится, по порядку...

Жогин помолчал, разгладил листок, положив его перед собой на стол и начал:

– Должен напомнить, что писалось это человеком в большом нервном напряжении... он очень спешил, стоя на краю жизни и, опасаясь, что ему помешают это сделать. В таких случаях пытаются не забыть главное... излагать коротко и не лгать. Психологи считают, что обостряется память и вспоминается такое, что считают давно забытым или на что не обращалось особого внимания. Отсюда и кажущаяся путаница, как вы выразились, Григорий Артемьевич, галиматья.

– Ты, как студентам, лекцию нам почитай, – буркнул Щергунцов.

– В этой бумаге много того, чего как раз недоставало! – уверенно продолжал Жогин. – И прошу отнестись к этому с должным вниманием. Содержание записки вскрывает важные прорехи оперативной работы и следствия, мешавшие составить единую картину преступления и установить личности истинных убийц. Очевидна коварная уловка сделать Снегирёва центральной фигурой, чтобы скрыться в его тени.

– В чём же эту очевидность вы узрели, уважаемый Александр Григорьевич? – Щергунцов кисло ухмыльнулся и даже подмигнул Сизову. – Объясните слепым котяткам.

– Прорвалось до меня не сразу, – не обиделся увлечённый объяснениями Жогин. – Обратите внимание прежде всего на то, что Снегирёв ни прямо ни косвенно не обвиняет в убийстве матери никого. Он не знает этого. А о гибели жены и детей ему вообще неизвестно, ведь пьянчушки рвались в его камеру, угрожая расправой за смерть старушки. В то же время он упрекает жену, что добралась до какого-то секрета свекрови, скажем – до наследственной тайны. Сам же Снегирёв толком ничего не знает, но догадывается. Не доверяя пьянице-сыну, мать держалась ближе к снохе, чем та пользовалась. Предположим, что речь идёт о семейных драгоценностях,

что вполне возможно со слов соседки Красновой Марии Ефимовны. Тогда понятны были тревоги старушки, ведь сын пустит все накопления и ценности по ветру, и внуки останутся без всего. Допускаю, что это заставило её сблизиться со снохой, не зря же незадолго до трагедии их видели в сберкассе при снятии вклада. Потом баня. Долго болевшая до этого Снегирёва, будто чувствуя кончину, спешит завершить мирские дела и поделиться со снохой тайными семейными драгоценностями или ценностями...

– Слышал я одну байку, – хмыкнув, перебил Жогина Щергунцов. – Когда очень хочется, хотя и нельзя, – можно! Так и у вас, Александр Григорьевич. Мне кажется, что все крохи, найденные вами в письме убийцы, подогнаны в эту занятую фантазию. Строите замок из песка. Он рассыплется от одного моего вопроса.

– Внимательно слушаю, – не смутился тот.

– А что мелькнуло в той записке про какие-то «ножки»?

– «Ножки»? – усмехнулся следователь. – Вот эти самые «ножки» мне и придётся искать в доме Снегирёвой. Я как раз туда и собрался.

– А похороны? Их что же отменять?

– Дом опечатан мною. Покойников повезут из морга прямо на кладбище.

– Уже повезли, – взглянул на часы Щергунцов. – Как время летит!.. Их сопровождают наряд милиции и городские оперативники. Обеспечат общественный порядок, а опера́ понаблюдают за подозрительными.

– Кстати, товарищ подполковник, обеспечьте к вечеру мне встречу со старшим участковым Гордусом. Майор отыскал Снегирёва, нож при нём обнаружил, следы крови на одежде, а рапорт представил хиленький.

– Они в деле у меня хороши, а писаки из них никудышные.

– Значит, договорились, – направился к двери Жогин, спрятав записку Снегирёва в портфеле.

– Увидимся, – поднялся Щергунцов. – Надеюсь, зайдёте с результатами.

– А что, стали интересны мои фантазии? – подковырнул следователь.

– Мне всё равно своих с кладбища дожидаться, – сохранил непроницаемую мину подполковник. – Вдруг и вам интересного принесут.

– Ну тогда отдайте мне Тихона Семёновича, – подыграл ему Жогин. – За компанию, так сказать, да и вдвоём сподручней.

– Подышите воздухом, – не возразил подполковник. – Освежите горячие головы.

Глава XVI

Раскатилось знойным жаром по хозяйственному торговому двору обеденное солнышко, заливая обильным потом глаза и губы грудастой чернобровой Верки Гусевой, продавщицы продуктового магазинчика, но та, подбоченясь и про всё забыв, почём зря крыла отборной брашню незадачливого извозчика деда Архипа, не справившегося с норовистой кобылой Милкой. Въехал он телегой в кучу ящиков с винно-водочной тарой, разбросало их, большую часть поколотив напроцъ. Виновница всего кобыла Милка давно уже потягивала за собой телегу и, опустив шальную башку, выщипывала клочки сена из ближайшего сарая, обнажая зияющие дыры. Дед Архип, оставив телегу, понурившись, дымил махрой, скрутив газетную ножку и задумчиво похлопывал кнутовищем по голенищам собственных выдавших виды кирзовых сапог, а Верка, не зная удержу, полоскала его, невзирая на оборачивавшихся на улице случайных зевак.

Видная баба Верка и молода, и собой хороша, когда причепурится под вечер до клуба пройтись, фильму какую глянуть, но горласта не в меру и чересчур норовиста. Впрочем, продавщице иначе нельзя, прогоришь вмиг, как другие до неё кончали. Однако из-за её поганого характера опасались заигрывать с ней мужики, особо нахальным доставалось по физиономии – не щепи за крутой бок, не тобой вскормлена да не для тебя выхолена. Не зря и прозвище отхватила Верка диковинное – Мадлен, а окрестил её им засмотревшийся на ладную фигуру и зовущую подрагивающую грудь молодец-шофёр после занятого итальянского или французского фильма. Прилепился языкатый, статный, зарабатывал подходяще, выделяясь из шоферни, которая большую часть получки у пивнушек просаживала, но не срослось у них. Слишком крутой Верка оказалась, не по зубам простому шофёру, деньги любила больше всего, а женишку так и заявила напрямую: «На твои гроши шубы не купить». Одним словом, отбрила, не моргнув глазом. Больше парня в их краях не видели, поговаривали, что махнул тот на севера, большие рубли заколачивать. Ну а Верке не убудет, она в магазине не только продавщица, скоро заведующей стала, то есть полной хозяйкой, жадности лишь прибавилось, шкуру драла с каждого покупателя, злые языки шептались, будто гирьки сверлит, не стыдясь, воду в мясо да рыбу колет, а потом подмораживает, чтобы тяжелее были, но особенно шерстила мужиков на пиве, вине да водке, рискуя, подливала в бутылки самогон или бормотуху. Подсовывала такой товар, конечно, забулдыгам подвыпившим, которые не замечали подвоха. Не заметил народ, как Верка Гусева и зажила иначе: завела знакомство с начальством районным, о проверяющих знала заранее, поэтому уходили те из её магазина всегда довольные, без претензий, а сама заведующая вскоре начала строительство другого дома, крепкое настоящее жилище на берегу, вдалеке от любопытных глаз подруг-товарок. Знали про этот дом немногие, гостей приглашать к себе Гусева не любила. Бывал там дед Архип на своей телеге, заезжал с грузом каким или товаром. А вскорости смастерил дед Верке бревенчатую баньку, о которой та давно мечтала. Ценя его золотые руки и не гнала с работы, хотя на магазин выделили ей отдельную машину с шофёром. Полуторка была не ахти, ломалась часто, но шофёр попался проныра, сам доставал запчасти, сам ремонтировал, так что Гусева проблем не знала, но с Архипом не расставалась, крепко связывала их дружба, неизвестно на чём повязанная. А доплачивала Верка деду из своих накоплений и, странное дело, не попрекала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.